ЮНГОВЫ НОЧИ,

ВЪ СТИХАХЪ,

ИЗДАННЫЯ

СЕРГѢЕМЪ ГЛИНКОЮ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.

1806.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Первыя четыре Юнговы Ночи, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ напечатанныя, издаются вновь со многими поправками. Я желалъ бы еще болѣе оныя обработать, но время и обстоятельства не всегда благопріятствуютъ желанію.

Щастливъ тотъ, кто занимаясь трудами, полезными для нравовъ и для общества, проходитъ спокойно путь жизни!

Къ предшествовавшимъ четыремъ Ночамъ присовокупляю еще восемь Ночей; что составитъ, сообразно подлиннику, полное число Юнговыхъ Ночей: Французской переводчикъ оное удвоилъ.

Присемъ за нужное почитаю упомянуть о томъ, что сказалъ я въ предувѣдомленіи къ осьмой Ночи: "не зная Англинскаго языка, я

*"не могъ переводить Юнга: но сколько мо-
"жно старался подражать ему."*

Сколь буду награжденъ за сей трудъ, есть-ли слогъ мой хотя мало соотвѣтствуетъ величественнымъ предметамъ, которыми занимался Юнгъ для пользы нравовъ и вѣры!

Въ заглавіи каждой Ночи, означенъ годъ, когда оная была писана; и подражая Юнгу, каждая изъ оныхъ посвящена особенному лицу.

Чувствія благодарности, дружества и любви! чувствія сыновней горячности, оживотворяющія собою прахъ отца и матери; кому не пріятно означать вами слѣды бытія своего въ мірѣ! вами единственно украшается щастіе; и вами, вами подкрѣпляется сердце страждущее и всего лишенное!

Село Свирлово.
20 Іюля, 1806.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Едуардъ Юнгъ, творецъ сихъ Ночей, родился въ 1684 году. Съ отроческихъ еще лѣтъ былъ онъ посвященъ отцемъ своимъ судейскому званію; но пламенное его воображеніе не могло удовлетвориться сухимъ и томительнымъ ученіемъ правъ. Влекомый раждающимся геніемъ, предался онъ единственно поэзіи, и въ самомъ цвѣту младости ощутилъ непреодолимое стремленіе къ славѣ, предзнаменующее всегда великое дарованіе, и заставляющее равнодушно смотрѣть на всѣ дары щастія. Однако Юнгъ долгое время приносилъ нераздѣльныя жертвы щастію и славѣ; наконецъ получилъ только послѣднюю, которая, вопреки всѣмъ человѣческимъ усиліямъ, увѣнчаетъ истиннаго генія.

Соединенный дружествомъ съ Адиссономъ, Попіемъ, Рихардсономъ, и участвуя въ изданіи славнаго Англинскаго Зрителя, Юнгъ не сообразовался съ ними во вкусѣ. Не тѣрпя подражанія, отдался онъ на произволъ воображенія, и родясь быть единственнымъ въ своемъ родѣ, безъ всякаго вспомоществованія достигалъ

цѣли своей. Уклоняясь отъ пути обыкновеннаго, воздвигъ онъ нетлѣнной памятникъ славы своей въ безмолвной обители смерти и унынія. Среди гробовъ раздавались звуки стенящей его лиры, и можетъ быть, они на всегда останутся неподражаемыми.

Въ 1731 году женился Юнгъ на вдовѣ Полковника Лея: кротость, любовь и добродѣтель ея наградили его за непріязненность судьбы. Но столь сладостная участь не долго продолжалась. Въ теченіи 1741 году, главной эпохи безсмертной его славы, лишился онъ супруги и двухъ ея дочерей, которыхъ она имѣла отъ перваго своего мужа. Едуардъ любилъ ихъ со всею отцовскою горячностію. Пораженный сею троекратною потерею, угнѣтенный старостію, сошелъ онъ, такъ сказать, во гробъ друзей своихъ, жилъ съ ними неразлучно и искалъ утѣшенія въ отдаленіи только будущаго, къ которому съ такимъ восхищеніемъ стремится душа страждущая и всего лишенная. Отчаяніе не обременило его безплоднымъ и празднымъ уныніемъ. Казалось, что геній его ожидалъ единственно сихъ трехъ громоносныхъ ударовъ, чтобы переселиться въ мрачное селеніе смерти и возлетѣть оттуда къ лучезарнымъ странамъ безсмертія. Вотъ произхожденіе Юнговыхъ Ночей.

"Всѣ, говоритъ Мерсье, всѣ читали
"нравоучительное твореніе Юнга; всѣ уди-
"влялись величественному паренію мыслей
"его, питающему и восхищающему душу;
"ибо все имъ израженное основано на важ-
"ныхъ истиннахъ, представлено въ образахъ
"разительныхъ: Богъ, вѣра и безсмертіе
"составляютъ существенное ихъ величіе.
"Всякой разъ, продолжаетъ тотъ же пи-
"сатель, ощущаю я новый восторгъ отъ
"знаменованія сего глубокаго чувства, ко-
"торое, сохраняя непремѣнную полноту,
"разнообразится до безконечности: подо-
"бно быстротекущей рѣкѣ, увлекаетъ оно
"меня стремленіемъ своимъ. Во многихъ
"сочиненіяхъ съ большею точностію до-
"казано безсмертіе, но нигдѣ оно такъ
"сильно не дѣйствуетъ на душу. Юнгъ
"проницаетъ до глубины сердца, и пре-
"клоняя его силою одной чувствительно-
"сти, останавливаетъ разсужденіе. Вотъ
"торжество краснорѣчія, которое изливаясь
"изъ души истиннаго поэта, наполняетъ
"и очаровываетъ души другихъ."

Подобно надгробнымъ свѣтильникамъ, десять лѣтъ геній Едуардовъ сіялъ на могилахъ друзей его. Но кто не изумится, какъ столь живая и непрерывная горесть не ускорила его смерти? Кто не изумится, какъ сіе пламенное воображеніе, занятое однимъ предметомъ, и наконецъ,

какъ сіе продолжительное воспаленіе изступленнаго унынія, не истомило души его и не привело ее въ смертное оцѣпенѣніе?

Въ 1765 году скончался творецъ Ночей. Неблагодарность человѣческая не почтила его погребенія даже и обыкновенными обрядами!* но онъ безсмертенъ геніемъ своимъ.

* *Юнгъ умеръ въ деревнѣ, гдѣ учредилъ училище: никто изъ призрѣнныхъ его благодѣтельною попечительностію не сопровождалъ его гроба.*

ЮНГОВЫ НОЧИ.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

БѢДСТВІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Kurz ist die ſchmerz, und ewig ist die freude

SCHILLER.

ЮНГОВЫ НОЧИ.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

БѢДСТВІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

(1800)

О ты! котораго ночная мгла объемлетъ,
Сонъ сладостной! приди! увы! онъ мнѣ не внемлетъ!
Какъ другъ обманчивой, бѣжитъ нещастныхъ онъ.
Подъ пышной балдахинъ, спѣша давать законъ,
Отъ ложа страждущихъ онъ отвращаетъ зрѣнье;
Несносно для него нещастнаго моленье:
Нещастныхъ краткой сонъ печаленъ и смятенъ.
Едва страданіемъ ко сну былъ преклоненъ,
Вдругъ пробуждаюся! Блаженъ кто не проснется!
Блаженъ, кто навсегда съ мечтами разстается,
И перемѣнъ не зритъ ни въ смертныхъ, ни въ судьбѣ!
О, гробъ, нещастные найдутъ покровъ въ тебѣ...
Нѣтъ! нѣтъ! и ты имъ врагъ, коль не всему преграда. (3)
Я спалъ!... но ахъ! меня бѣжала сна отрада!
Мой духъ тревожимъ былъ ужаснѣйшей мечтой.
Разимый бѣдствія свирѣпою рукой,
Соединенныхъ золъ я чувствовалъ терзанье.
Мнѣ даже и въ мечтѣ назначено страданье;

Но мигъ одинъ меня отъ ней освободилъ,
За тѣмъ, чтобъ истинныхъ мученій жертвой былъ.
Проснулся! чтожъ узрѣлъ? печальные три гроба,
Гдѣ смерти яростной ненасытима злоба
Сокрыла отъ меня души моей друзей!
Увы! не можетъ день вмѣстить тоски моей!
И ночь, мрачнѣйша ночь не можетъ быть сравненна
Съ страданьемъ тѣмъ, какимъ душа моя сраженна!
Уже она въ сей часъ, въ часъ общей тишины,
Когда страны небесъ луной озарены,
Стопою медлѣнной на мрачный тронъ вступаетъ:
Простерла жезлъ! и ходъ природа прекращаетъ!
Непроницаемой завѣсой міръ покрытъ;
Оцѣпѣнели слухъ и взоръ, все смолкло, спитъ!
Все смерти кажется объемлется рукою:
Ахъ! сколь мятется духъ сей общей тишиною;
Такъ, образъ то живой разрушенныхъ міровъ!
О день! ужасной день! послѣдній день вѣковъ,
Приди! лишь ты одинъ прервешь мое страданье.
Священная чета! ночная мгла, молчанье,
Предтечи времени! вы, чей спокойный взглядъ,
Животворя нашъ духъ, смягчаетъ скорби ядъ!
Придите, дайте мнѣ собою подкрѣпленье:
Во мракѣ гроба вамъ явлю благодаренье.
Гробница вашъ престолъ; тамъ, гордой человѣкъ,
Блестящей славою, гремѣвшій въ краткой вѣкъ,
Тамъ смертію смиренъ, вамъ въ дань свой прахъ приноситъ
Нѣтъ! нѣтъ! вотще мой гласъ отъ васъ подпоры проситъ!
Тебя, мой Богъ, зову! . . . воззрѣньемъ ты очей,
Властительной законъ даешь вселенной всей:
Ты, словомъ укротилъ стихій ужасно прѣнье,
Ты, приводя міры несмѣтны въ устроенье,
Изъ мрачной пропасти Хаоса ихъ извлекъ!
Ты, сильной Царь небесъ! ты, слово лишь изрекъ,
И пламенны шары на воздухъ возлѣтѣли,
Стихій ярящихся раздоры онѣмѣли,

И древней ночи мракъ, рожденный до временъ,
Внезапно звѣздъ злашыхъ сшалъ блескомъ озаренъ.
Ты въ небесахъ возжегъ то дивное свѣтило,
Которое въ тебѣ царя міровъ явило.
  О, всемогущій Богъ! ты, озари мой умъ.
Въ сей безмятежной часъ, какъ смолкъ повсюда шумъ,
Скупой, взоръ тягостный на злато обращаетъ;
А я лишь зрю тебя!... тебя мой духъ считаетъ
Сокровищемъ однимъ, покровомъ и отцомъ!
Въ тебѣ спокойствіе, въ тебѣ мы рай наидемъ.
Ночная мгла мой умъ и чувства осѣняетъ,
Пусть славы лучь твоей единый возсіяетъ,
Проникнувъ мрачную завѣсу темноты:
Средь мглы, премудрости, вели возникнуть ты!
Хотѣлъ бы, золъ моихъ отвергнувъ люту тягость,
Чуждаться самъ себя, отринуть рока ярость,
И въ тѣни гробныя разсудокъ погрузить!
Картину жизни сей стремясь изобразить,
Тѣмъ услажду души томящейся волненье.
Наполни истинной одной мое твореньe;
Къ премудрости святой стопы мои направь;
Пусть слабости моей даетъ она уставъ:
Пусть уклоняясь злъ, съ добромъ соединяюсь;
О Боже, сколь твоей десницей я караюсь!
Ты ярости сосудъ весь на меня излилъ;
Готовъ сей рокъ терпѣть, лишь мнѣ бъ онъ къ пользѣ былъ!
  Часъ бьетъ! и нѣтъ его! сочтемъ, онъ изчезаетъ!
Звонъ колокольный намъ мигъ прошлый повторяетъ:
Онъ духъ смущаетъ мой и прерываетъ сонъ;
И гласъ, гласъ времени его вѣщаетъ стонъ.
Когда онъ льстилъ меня не тщетнымъ упованьемъ,
Къ послѣднему часу стремлюсь его взываньемъ.
Бьетъ смертный часъ! но, ахъ! протекши гдѣ часы?
Грызуща времени подъ остріемъ косы
Изчезли на всегда! куда не обращаюсь,
Надежды я не зрю, лишь съ ужасомъ встрѣчаюсь.

Куда иду? и что мой вдругъ смутило взглядъ?
Съ надгробнаго одра, гдѣ распростерся хладъ,
Гдѣ погасаетъ жизнь, пресѣклось воздыханье,
При тускломъ своего свѣтильника сіяньѣ
Зоветъ меня во гробъ, смерть, алчный сей тиранъ!
О, вѣчность страшная! безбрежный Океанъ,
Зря мой послѣдній часъ, я занятъ лишь тобою!
Не ужель увлекусь я времени рѣкою,
И мнѣ ли вѣчнымъ быть; коль мигъ одинъ, мой вѣкъ!
Сколь удивительно творенье человѣкъ!
Къ Творцу вселенныя взносить дерзая зрѣнье,
Въ благоговѣйное приходимъ мы смиренье:
И человѣкъ, въ комъ два сліялись существа,
Непостижимая есть тайна естества.
Въ противурѣчьяхъ онъ, едваль себѣ подобенъ.
Уничиженъ, великъ, разсудкомъ превосходенъ,
Богатъ и бѣденъ вдругъ, стѣсненъ въ умѣ своемъ;
Надежды прелестью единственно влекомъ,
Обѣихъ крайностей предѣлы прелетая,
Двухъ несовмѣстностей средину составляя:
Былинку съ божествомъ онъ раздѣлилъ собой!
Блестящее звено, обширной цѣпи той,
Которой бытіе съ Хаосомъ сопредѣльно;
Безсмертье съ бренностью въ немъ царствуютъ раздѣльно;
Наслѣдникъ вѣчности, но смертью уязвленъ,
Низвергшися во макъ, вновь будетъ озаренъ!
Онъ прахъ! онъ червь! онъ Богъ! ничто въ немъ не согласно!
Старается себя постигнуть онъ напрасно,
И устрашенъ собой, онъ самъ себя бѣжитъ!
Не можетъ свѣта лучь мой разумъ озарить;
Онъ чудно естество мое обозрѣвая,
Хладѣетъ, лишь одно безвѣстіе встрѣчая.
Такъ! смертной смертному ни въ чемъ не постижимъ:
То погружается безвѣстьемъ въ мракъ своимъ,
То лучезарное онъ вдругъ чело подъемлетъ,
И мыслію своей вселенную объемлетъ!

Не столь онъ бѣдствуетъ, сколь напыщенъ собой.
Недоумѣніемъ смущенный разумъ мой
Дѣлится ужасомъ, восторгомъ, изумленьемъ!
Дивлюсь! и о себѣ объемлюсь сожалѣньемъ;
Увѣренъ, усумнѣнъ, надежду зрю и страхъ!
Кто сохранитъ меня, и кто низвергнетъ въ прахъ?
Я долженъ нѣкогда со свѣтомъ разлучиться,
Но въ гробѣ не могу на вѣки водвориться:
Душей вновь оживленъ, въ міръ новой воспарю.
  Безсмертье! бытіе въ тебѣ я ново зрю;
Торжественно тебя являетъ намъ природа.
Сіянье льющеся съ лазуреваго свода,
Лучь славы вышнія предзнаменуетъ намъ:
Все ощущать даетъ безсмертіе сердцамъ;
И даже самой сонъ, въ томъ служитъ увѣреньемъ.
Когда свинцоваго сей богъ жезла движеньемъ,
Бездѣйству чувствія поработитъ мои,
Оковы тяжкія разторгнувши свои,
Во слѣдъ за мыслію душа моя стремится.
То въ мрачныя лѣса спѣшитъ она сокрыться,
То видитъ предъ собой прелестный видъ полей,
То слышитъ шумъ она ярящихся морей,
То вдругъ ужасныхъ скалъ достигнувши вершины,
Въ кипящи пропасти свергается пучины:
Погибла! но морскихъ стремленіемъ валовъ,
Достигнула опять песчаныхъ береговъ.
Потомъ возносится въ превыспренно селенье;
Безчисленныхъ міровъ зритъ стройное теченье,
Очаровательныхъ внимаетъ звуки арфъ!
Такъ сна обманчива, она игрою ставъ,
Предчувствуетъ въ своемъ столь дерзостномъ полетѣ,
Что горній міръ всегда должна имѣть въ предметѣ;
Что свергнувъ тягостный съ себя земной яремъ,
Въ перерожденіи торжественномъ своемъ,
Узнаетъ, что не прахъ ничтожный дольна міра
Жилищемъ будетъ ей, но области Эфира.

И такъ не можетъ ночь, сгущенный сѣя мракъ,
Сіяющій отъ насъ сокрыть безсмертья зракъ!
Чистѣйшій свѣта лучь во тьмѣ ея блистаетъ:
Мы внемлемъ тишинѣ, а сонъ насъ научаетъ.
Но только ли во снѣ мы заняты мечтой?
Ахъ! сколько, сколько разъ, тщеславный разумъ мой,
При свѣтѣ солнечна блестящаго сіянья,
Несбыточнѣе сна питалъ въ себѣ мечтанья.
Безумной! ослѣплёнъ я невозможнымъ былъ;
Я тишиной себя средь бурь ревущихъ льстилъ.
Въ печальномъ мірѣ семъ, гдѣ царствуетъ превратность,
Гдѣ вѣчность, горести, а мигъ одинъ, пріятность:
Летящи радости, хотѣлъ я удержать!
Что зрю теперь, не могъ о томъ и помышлять.
Во цвѣтѣ младости, мечтою упоенной,
Я рай прелестнѣйшій встрѣчалъ во всей вселенной!
Все улыбалося, блистало предо мной!
Веселостей драгихъ преслѣдуемъ толпой,
Я безпрестанно шелъ цвѣтущею стезею!
Любовь и Граціи, бесѣдуя со мною,
Скрывъ терны, розовымъ путемъ меня вели:
Какъ быстро дни мои подъ сѣнью ихъ текли!
Я неизмѣнное зрѣлъ щастье предъ собою,
Въ восторгѣ радостномъ стремился за мечтою:
Но вдругъ существенность путь преградила мнѣ!
И прежня жизнь, какъ мигъ, прешла въ семъ краткомъ снѣ.
Прервался гласъ утѣхъ, взгремѣлъ металлъ ужасный,
Котораго насъ стонъ унылый и всечасный,
Ко гробу хладному безжалостно зоветъ:
Ударилъ колоколъ! изчезъ блестящій свѣтъ!
Непроницаемой обьятый темнотою,
Отъ міра, отъ себя, отвлекся я душою.
Веселья, пышности, все, все прошло, какъ тѣнь!
Чѣмъ годы льстился я, одинъ то отнялъ день!
И чтожъ осталось мнѣ? одно лишь увѣренье,
Что смертныя косы внезапно пораженье

Въ одно мгновеніе дни пресечетъ мои!
Легчайша волоска ничтожнѣе они:
Дохнетъ Зефиръ, и цѣпь ихъ слабу прерываетъ;
Шагъ къ радости другой ко гробу провождаетъ.
Спокойствіе небесъ! въ тебѣ безсмертный рай!
Ты украшаешь тотъ собой священный край,
Гдѣ блеска радостей ничто не помрачаетъ,
Гдѣ вѣчной юностью блаженства цвѣтъ сіяетъ.
Увы! гдѣ щастіе превратное дано,
Тамъ лишь мелькнетъ, и вдругъ, скрывается оно.
Спокойствіе! гдѣ ты сіяешь на престолѣ,
Въ благословенной все блаженствуетъ тамъ долѣ.
Тамъ немерцаемый блистаетъ свѣта лучь,
Гремящихъ никогда тамъ не встрѣчаютъ тучь:
А здѣсь, здѣсь противъ насъ вся востаетъ природа,
Здѣсь зримъ летящіе перуны съ горня свода,
Здѣсь время злобное, не внемля ни чему,
Всечасною грозитъ погибелью всему:
Развалинами шагъ свой каждой означаетъ,
Обширнѣйши страны съ лица земли стираетъ;
И каждый часъ его, серпомъ вооруженъ,
Въ свирѣпствѣ поражать утѣхи устремленъ!
Въ единый мигъ мое блаженство прекратилось,
Блеснуло мнѣ въ глаза, и мракомъ осѣнилось!
Свѣтъ сулитъ радость намъ, но не даетъ ее;
Судьба намъ продаетъ польщеніе свое,
И платимъ ей за то мы дорогой цѣною!...
Блаженство на земли!... престанемъ сей мечтою,
Напрасно разумъ нашъ надмѣнный занимать.
Гдѣ щастье? кто его изъ смертныхъ могъ познать?
Увы! насъ щастья тѣнь едина обольщаетъ;
Лишь съ добродѣтелью блаженство обитаетъ.
Противоборствуя превратну и судьбѣ,
Она хранитъ его всегда въ самой себѣ.
Ахъ! естьлибъ я всегда послѣдовалъ за нею;
Она бъ теперь была подпорою моею.

Ужаснѣйшій тиранъ! ты, чей разящій зѣвъ,
Неистовой прольетъ на все творенье гнѣвъ;
Которому міры въ ничтожство превращенны,
Средь тьмы сѣдалищемъ служить опредѣлены:
О смерть! въ превыспренни селенья вознесись,
Блестящей солнца видъ тамъ помрачить стремись;
Въ лазурныхъ областяхъ простри свои покровы:
Коль можешь, созидай себѣ престолъ тамъ новый;
Міры, свѣтила всѣ, вотъ жертвы для тебя:
Ихъ разрушеніемъ ты насыщай себя;
Но я достоинъ ли гонимымъ быть тобою,
Должналь былинку ты разить своей рукою?
Три раза въ небесахъ едва взошла луна,
А смертью рана мнѣ трикратная дана!
Вотще я зрю часовъ премѣнное теченье,
Не премѣняется отъ нихъ мое мученье:
Вездѣ и каждый шагъ страданьемъ я разимъ!
Нѣтъ щастья! я на вѣкъ простился уже съ нимъ.
Но о себѣ ль одномъ питать мнѣ сожалѣнье?
Ахъ! общее мой духъ тревожитъ злоключенье.
Вселенной, бѣдствіе единственный уставъ;
И смертные, его печальной жертвой ставъ,
Подъ бремянемъ его повсюду жизнь влачили;
Ихъ скорби, съ матерью ихъ первой, въ міръ вступили.
И рокъ имъ гибельной дотоль велѣлъ терпѣть,
Доколь всеміірная не распрострется смерть.
Какія бури насъ ревущи окружаютъ!
Что шагъ, то пропасти пути намъ преграждаютъ.
Здѣсь алчная война, ведя всѣхъ бѣдствій сонмъ,
Неистовой рукой бросаетъ ярый громъ:
Тамъ дышутъ пламенемъ огромныхъ горъ вершины;
Тамъ гибелью грозятъ кипящія пучины!
Здѣсь голодъ, блѣдностью смертельной покровенъ,
Страдальцамъ изрывать могилы устремленъ:
Здѣсь томна нищета, едва покровъ имѣя,
На гордость пышную очей взвести не смѣя,

Въ сокрытіи отъ всѣхъ льетъ токи горькихъ слезъ!
Раздоръ и мятежи, неистовствуя здѣсь,
Всѣ узы дружества межъ смертныхъ разрываютъ,
И кроткихъ агнцовъ, въ львовъ свирѣпыхъ претворяютъ:
Тамъ въ пропастяхъ земли, алчба, сковавъ людей,
Надгробныхъ только блескъ являетъ имъ огней.
Здѣсь посреди пучинъ, гдѣ вѣтръ ревет суровый,
На узникахъ гремятъ железныя оковы:
Отъ мѣстъ рожденія влекутъ въ неволю ихъ!
А здѣсь, стеченіе заботъ, болѣзней злыхъ,
Нещастныхъ множеству, гонимыхъ нищетою,
Лишь представляютъ гробъ отрадою одною!
А здѣсь. сынъ роскоши, всего теперь лишенъ,
Грызущимъ голодомъ и жаждой изнуренъ,
Увы! со стономъ хлѣбъ изсохшій вымоляетъ:
И что же? новой Крезъ моленій не внимаетъ!
Любимцы щастія! изъ пышныхъ тѣхъ палатъ,
Гдѣ роскошь съ нѣгою, вамъ тьму утѣхъ сулятъ,
И часто лишь одно приносятъ пресыщенье;
Подъ бѣдной кровъ давать спѣшите утѣшенье.
Тамъ, духъ вашъ, нѣгою излишней притупленъ,
Благотвореніемъ вновь будетъ оживленъ!
Пусть въ сердцѣ вашемъ стонъ нещастныхъ отзовется.
Пусть ваше чувствіе слезами изольется:
Слеза возбудитъ въ васъ чувствительность отъ сна;
Нѣтъ! нѣтъ! вашъ звѣрской духъ не умягчитъ она!
Щастливцамъ ли внимать нещастнаго моленье;
И имъ ли чувствовать слезъ сладостныхъ теченье?
Но содрогайтеся!... ужъ громъ на васъ готовъ:
Разитъ! и въ бездну васъ низвергнетъ онъ съ цвѣтовъ.
Пускай бы тѣхъ однихъ терзало огорченье, (4)
Въ сердцахъ чіихъ живетъ ко всемъ окаменѣнье:
Но злобная судьба, суровостью твоей,
Не рѣдко пораженъ и лучшій изъ людей!
Злощастье ни очей, ни слуха не имѣетъ,
Перуномъ яростнымъ по прихотямъ владѣетъ,

И скрыться отъ него нигдѣ не можно намъ!
Склониться ль захотимъ ко мрачнымъ мы лѣсамъ,
Въ безмолвноель отъ всѣхъ спѣшимъ уединенье,
За нами въ слѣдъ идетъ его ожесточенье,
Страхъ, гибель ускоритъ: благоразумье, вредъ.
Мгновенье каждое ко гробу насъ ведетъ.
И тотъ, кто щастіемъ лелѣенъ былъ всечасно,
И тотъ, за радостью стремится лишь напрасно;
Безъ терній, розы нѣтъ; а радости безъ зла.
Вотще природа намъ всѣ благи излила,
И лучшими ея гнетемся мы дарами!
Любовь и дружество, намъ данны небесами
Въ отраду нашихъ столь быстротекущихъ дней,
И вы! не можете пріятностью своей,
Доставить намъ утѣхъ ни чѣмъ не помраченныхъ:
Любовь свирѣпствуетъ, друзей, зримъ ухищренныхъ!
Никто не перечтетъ всѣхъ бѣдъ разящихъ насъ:
Хотябъ отъ слезъ во вѣкъ не осушалъ я глазъ,
Хотябъ всякъ часъ мое рыданье грудь стѣсняло,
Но все оплакать зло моихъ бы слезъ не стало.
  Въ подлунномъ мірѣ семъ, юдоли бѣдъ и тьмы,
Какъ плодородіе встрѣчаемъ рѣдко мы!
Коль нѣсколько найдемъ долинъ благословенныхъ,
Но сколько видимъ мѣстъ безплодьемъ угнѣтенныхъ!
Здѣсь устрашаетъ взоръ дремучихъ видъ лѣсовъ,
Здѣсь знойные пески; тамъ средь морскихъ валовъ,
Горъ ледяныхъ верьхи ко облакамъ стремятся;
Тамъ вѣтры бурные все разрушать ярятся,
Тамъ степь ужасная, раждающая ядъ,
И смертоносну власть вездѣ встрѣчаетъ взглядъ.
Вотъ жизни и земли живое начертанье!
О смертной! чтожъ твоей надмѣнности сіянье?
Плачевная страна, ничтожества предметъ,
Гдѣ изрѣдка блеститъ изъ грозной тучи свѣтъ,
Гдѣ смѣжна колыбель со хладною гробницей;
Неутомимою, гдѣ смерть разя десницей,

Отъ жизни, отъ утѣхъ свергаетъ въ вѣчной мракъ!
  Свѣтило ночи! твой не столь премѣненъ зракъ,
Сколь въ нашемъ бѣдственномъ жилищѣ все превратно!
Что зрю? блѣднѣешь ты! ужели стало внятно,
Луна! страданіе души моей тебѣ!
  Жалѣть меня! коль зрю мученіе вездѣ.
Жалѣть меня! когда есть тысячи нещастныхъ,
Гоненію судьбы безжалостной подвластныхъ!
Жалѣть меня! а здѣсь томясь подъ игомъ лѣтъ,
Со стономъ ближній мой меня къ себѣ зоветъ;
Здѣсь ежечасное рыданіе вдовицы,
Неосушающей отъ слезъ свои зеницы,
Съ стенаньемъ сироты мѣшается ее.
Зря ихъ, какъ вспоминать страданье намъ свое!
Сихъ жертвъ злой участи въ объятья наши примемъ,
Ихъ сострадательной душою мы обнимемъ,
И къ сердцу своему приложимъ скорби ихъ!
Кто плачетъ только лишь о бѣдствіяхъ своихъ,
Тотъ стоитъ злѣйшее понесть судьбы гоненье!
Чувствительность! души, сладчайшее движенье,
Путь жизни терніемъ колючимъ заращенъ,
Тобою намъ одной бываетъ облегченъ!
О, братія мои! страданьемъ отягченны,
Единымъ жребіемъ со мною пораженны,
Коль можетъ чувствіе отраду вамъ подать,
Явите скорбь свою, готовъ вамъ сострадать.
  Когдабъ грядущи дни открылись передъ нами,
Не сталибъ разумъ свой мы ослѣплять мечтами:
Блескъ нашихъ пышностей, сіяніе честей,
И щастье съ лестною улыбкою своей,
Какъ привидѣніе изчезли бы ночное.
Лорензо! льститъ тебѣ веселіе земное,
Но бойся на его ты задремать цвѣтахъ!
Стремятся въ слѣдъ за нимъ, боязнь, сомнѣнье, страхъ.
Вѣрь, голосъ сладостной, прелестной сей Сирены,
Вѣщаніе одно обмана и премѣны;

Златой ея сосудъ, въ себѣ вмѣщаетъ ядъ!
Спокоенъ ты, но вдругъ Перуны загремятъ,
И бурей страшною покой твой возмутится!
Заранѣ твердостью ты долженъ воружится
Противъ судьбы... ея превратность не забудь;
Какъ кормщикъ опытной такъ осторожен будь;
Въ морскую тишину онъ бури ожидаетъ.
Насъ испытанію здѣсь небо подвергаетъ;
И смертный вѣчнаго не долженъ здѣсь искать!
Не думай, чтобъ желалъ я твой восторгъ прервать,
Повѣрь, жестокости такой я не причастенъ;
Но упоенію бывъ гордости подвластенъ,
Ты хочешь ослѣпить меня своей судьбой.
Не можетъ разумъ мой затмится сей мечтой;
Мой другъ! надъ пропастью ты гибельною дремлешь,
Изъ рукъ веселія отраву лишь пріемлешь,
И не существенность, а сонъ веселья зришь!
Межъ тѣмъ, какъ подъ криломъ утѣхъ ты мнимыхъ спишь,
Уже зловредной рокъ спѣшитъ въ твои палаты:
Мгновенны радости боязнію объяты,
Бѣгутъ отъ грознаго воззрѣнія его.
Напоминаніе блаженства твоего,
Какъ змѣй, грызетъ твою стесненну грудь тоскою;
Но поздно сталъ его щитать ты суетою —
Чтобъ наслажденье зрѣть, желанья укротимъ;
Чрезмѣрнымъ къ щастію стремленіемъ своимъ,
Пріятности его мы сами истребляемъ,
И сами бѣдъ своихъ причиною бываемъ.
Подобно мнимому ласкательству друзей,
То увѣряющихъ насъ въ нѣжности своей,
То поражающихъ вдругъ ненависти хладомъ;
Коварны радости насъ льстятъ однимъ превратомъ.
Благополучья сонъ въ удѣлъ намъ только данъ:
Лорензо, пробудись! вѣрь, щастіе обманъ.

Драгой Филандръ! съ тобой я всѣхъ блаженствъ лишился!
Едва твой смертною завѣсой взоръ покрылся,

Во мракѣ унынія мой духъ сталъ погруженъ:
Съ тобой, со щастіемъ, я гробомъ раздѣленъ.
Чѣмъ міръ сей для меня украшенъ былъ тобою,
Все то затмилося на вѣки предо мною.
Пріятность дружества, природы красоты,
И все, что для меня прелестнымъ дѣлалъ ты,
Прервалось то съ твоимъ послѣднимъ воздыханьемъ!
Отверженный отъ всѣхъ, обремененъ страданьемъ,
И хладной старости отягощенъ рукой,
Вотще я прахъ земли кроплю своей слезой.
Обширной степью мнѣ является вселенна!
Филандръ! съ тобой моя надежда погребенна.
Все меркнетъ, все прошло, очарователь мертвъ!
О рокъ безжалостный! сражающій тьмы жертвъ;
Тобой, тобой мой другъ въ прахъ хладный претворился,
Отъ сердца моего тобой онъ отдѣлился!
Въ комъ пламень чувствія живѣйшаго горѣлъ,
Въ объятьяхъ смерти тотъ навѣкъ оледѣнелъ.
Филандръ! уже ты зрѣлъ желаньямъ увѣнчанье,
Ужъ славы пышныя и почестей сіянье
Прокладывали путь тебѣ безсмертья въ храмъ;
Уже въ восторгѣ ты взносился къ небесамъ,
Но вдругъ ничтожества властитель раздраженной,
Взирая на тебя съ улыбкой ухищренной;
Вдругъ смерть, разитъ косой, и ты среди торжествъ,
Оцѣпенѣлъ; и палъ во прахъ могилы мертвъ.
  Не льзя предвидѣть намъ, объяты мы сомнѣньемъ,
Случайности одной влекомые стремленьемъ,
Не можемъ постигать предчувствій нашихъ гласъ!
Лишь улыбнулися, льемъ слезы въ тотъ же часъ.
Зримъ настоящее, а будуще мгновенье
Непроницаемой скрываетъ мглы сгущенье:
И взору нашему единый мигъ предѣлъ.
Ничтожнѣйшая часть дается намъ въ удѣлъ
Часовъ, отъ времени внимающихъ законы:
Оно стремитъ ихъ ходъ, и ставитъ имъ препоны;

И клятву каждой мигъ судьбинѣ въ томъ даетъ,
Что прежде, нежели до насъ онъ не дойдетъ,
Тьмой будутъ таинства ея всѣ покровенны!
А между тѣмъ, какъ мы безвѣстьемъ угнѣтенны,
Ударитъ міру вдругъ послѣдній можетъ часъ;
И бездны вѣчности разверзутся для насъ!
Вотъ тайныя судьбы законы непреложны.
Всѣ наши замыслы тщеславные ничтожны.
Опредѣленный рокъ, отъ насъ всегда на шагъ;
Обманчивъ нашъ покой, съ надеждой видимъ страхъ.
Судьба и смерть своей послѣдуетъ лишь волѣ:
Но человѣкъ и въ столь быстротекущей долѣ
Дерзаетъ завтрешнимъ еще ласкаться днемъ!
А завтра, къ вѣчности онъ смертію влекомъ.
Онъ думаетъ, что дней мгновенное теченье
Возможетъ продолжить его произволенье;
И тщетной ставъ себя надеждою прельщать,
Онъ зданье на пескѣ стремится воздвигать:
Днемъ предпріялъ, а въ ночь преграду онъ встрѣчаетъ!
Филандръ, твоя судьба меня въ томъ убѣждаетъ.
О смерть! подобье все являетъ намъ твое!
Но сколько отъ тебя мы чувствіе свое
Въ тщеславной слѣпотѣ хотимъ отвлечь всечасно;
Губительной косой ты насъ страшишь напрасно.
Увидимъ ли друзей низверженныхъ тобой,
Смутимся лишь на мигъ, и духъ спокоимъ свой!
Вотще громъ яростной сводъ неба потрясаетъ,
Умолкнетъ, вмѣстѣ съ нимъ и страхъ нашъ изчезаетъ;
Въ пространствѣ воздуха, слѣдъ, сдѣланный стрѣлой,
Едваль теряется съ такою быстротой,
Какъ наша мысль, что мы на шагъ одинъ отъ гроба.
Ненасытимая едва лишь смерти злоба
Въ могилу вовлечетъ любезной намъ предметъ,
И память вся объ немъ съ нимъ въ мракъ ея сойдетъ.
Филандръ! тебя забыть!.. что я сказалъ нещастной?
Нѣтъ! духъ мой горестью томяся повсечасной,

Къ предѣламъ будетъ тѣмъ всечасно устремленъ,
Гдѣ твой священный прахъ съ землей соединенъ.
Мой другъ! лишась тебя, живу еще тобою!
Пускай облекшись міръ мрачнѣйшей ночи тьмою,
Не будетъ солнечныхъ на долго зрѣть лучей:
Та ночь не истощитъ всей горести моей;
И жаворонокъ, дня вѣщая лучь всходящій,
Съ рыданіемъ моимъ, сольетъ свой гласъ гремящій.
Уже взвивается онъ быстро къ облакамъ.
Почто, почто твой гласъ зоветъ свѣтъ солнца къ намъ?
Умолкни! пѣснь твоя для страждущихъ терзанье;
Умолкни! пища ихъ одно лишь воздыханье!
Лети и возвѣщай тамъ лучезарной свѣтъ,
Гдѣ смертныхъ, скорбію обремененныхъ нѣтъ.
А, ты! унылыхъ душъ, другъ неразлучный, нѣжной,
Ты! чья стеняща пѣснь средь ночи безмятежной
Отзывомъ горестныхъ сердецъ всегда была;
О, Филолема! ты путь къ чувствію нашла:
Будь мнѣ подругою, продли свое стенанье:
Ты страждешь, вѣрь и я давно терплю страданье.
Въ безмолвной ночи часъ стонать привыкла ты,
И я равно томлюсь подъ кровомъ темноты.
Мы оба мрачною завѣсой осѣненны,
Возносимъ къ небесамъ нашъ стонъ соединенный.
Природа въ тишинѣ твой внемля сладкой гласъ,
Смягчаетъ, кажется, тоску твою на часъ:
И звѣзды для тебя безмолвно протекаютъ!
А мнѣ ни смертные, ни звѣзды не внимаютъ;
Все глухо! я отъ всей вселенной отдѣленъ.
О вы! которыхъ духъ восторгомъ упоенъ,
Въ селенья горнія полетъ стремилъ свой смѣлый,
Вы! превзошедшіе пріятность Филомелы
Небесной сладостью своихъ безсмертныхъ лиръ,
Къ вниманью вѣчному вы преклонили міръ!
И я трепещущей касаюсь струнъ рукою:
Но какъ гремящей звукъ вашъ сталъ ослабленъ мною!

Божественный Гомеръ! воспѣвшій рай, Мильтонъ! (5)
Невольно вашихъ лиръ средь мглы былъ слышенъ звонъ!
А я съ намѣреньемъ часъ ночи избираю!
Горя подобно вамъ; я васъ не достигаю.
Но сей оставя міръ, предметъ моихъ лишь слезъ,
Лечу въ предѣлы я блистательныхъ небесъ:
И смертнаго пою, безсмертьемъ озаренна!
Душа здѣсь страждущихъ имъ только подкрѣпленна.
О, естьлибъ захотѣлъ, Попъ, славной сей поэтъ;
Въ стихахъ божественныхъ безсмертіе воспѣть:
Открылся бъ для него храмъ вѣчности священной,
Блистательнымъ лучемъ безсмертья озаренной!
Онъ кистью бъ начерталъ намъ смѣлою своей
Величье дивное властителя царей:
Явилъ бы, какъ одно перста его движенье,
Несмѣтные міры приводитъ въ устроенье:
Обитель вѣчности онъ смертнымъ бы явилъ;
И мнѣ, и міру бы отрадою онъ былъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ НОЧИ.

ПРИМѢЧАНІЯ
КЪ
ПЕРВОЙ НОЧИ.

1). (ВЪ посвященіи) *Бальи, бывшій невинною жертвою Французской революціи, говоритъ въ Письмахъ своихъ о Платоновой Атлантидѣ: "въ мірѣ вещественномъ и нравственномъ благо изливается на насъ съ небесъ медлѣнно, или лучше сказать по "каплямъ: все скоропостижное, все внезапное, есть источникъ многихъ злоключеній."— Стр.* 71 *и* 72.

2). (ТамЪ же) *Слова изъ Наказа: статья* 520.

3). *Мысль о безсмертіи оживляетъ все* Юнгово *твореніе, а здѣсь желаніе ничтожества есть одинъ минутный порывъ воображенія огорченнаго бѣдствіями человѣчества.*

4). *Юнгъ не упоминаетъ, что свидѣтельствованіе чистой совѣсти, есть неотъемлемое утѣшеніе отъ страждущей добродѣтели. Человѣкъ добродѣтельной, не бывъ мудрецомъ Сенеки, (которой, по словамъ его, равнодушно бы зрѣлъ разрушеніе вселенной), можетъ душевною твердостію противоборствовать бѣдствіямъ, а иногда и побѣждать ихъ.*

5). *Говорятъ что Гомеръ родился слѣпымъ: многіе по основательнымъ причинамъ не вѣрятъ сему. Возможно ли, не видя природы, изображать ее съ такою силою, съ какою является она въ пѣснопѣніяхъ Гомера? Искуство можетъ научить объ ней умствовать: но живописецъ и поэтъ посредствомъ сей переселяютъ ее и въ души свои и въ начертанія ихъ кисти: Мильтонъ лишился зрѣнія въ глубокой уже старости.*

НОЧЬ ВТОРАЯ.

ДРУЖЕСТВО.

Dans le bonheur d'autrui je cherche mon bonheur.

CORNEILLE.

НОЧЬ ВТОРАЯ.

ДРУЖЕСТВО.

(1802)

Мелькаетъ утра лучь, и стражъ его восхода,
Тотъ возвѣщаетъ часъ, въ которой вся природа,
Въ оцѣпенѣньи сна безмолвіе хранитъ:
Сей стражъ, опредѣленъ къ Творцу нашъ умъ стремить,
Тогда, какъ дремлемъ мы во тмѣ глубокой ночи.
На всю вселенную Творца отверсты очи:
Былинку и меня объемлетъ взглядъ его;
Онъ всю чрезмѣрность зритъ страданья моего.
Взоръ меркнетъ мой отъ слезъ, рыданье грудь стѣсняетъ:
Но, ахъ! не слабость ли меня обремѣняетъ?
Чтобъ были смертные, терпѣнье потерявъ?
Сугубимъ горесть мы подвластными ей ставъ.
Иль мы забыли здѣсь свое опредѣленье?
Стенанье встрѣтило мое въ сей міръ рожденье;
Гласъ первой смертнаго, рыданіе и стонъ.
Такъ! съ твердостью приму отъ рока сей законъ.
Ничтожны узника противъ цѣпей всѣ силы:
Духъ твердой носитъ ихъ, влачитъ ихъ духъ унылый.
О, ты! съ кѣмъ сопряженъ я сердцемъ былъ моимъ,
Крѣпившій мужествомъ меня всегда своимъ:

Ты! лѣтъ своихъ въ веснѣ, съ пріятностью любезной,
Соединявшій гласъ премудрости полезной;
Ты! изліяніемъ чувствъ сердца своего,
Очарователемъ былъ сердца моего!
Съ тобою вѣсили мы смертнаго судьбину,
Съ тобою бѣдъ и благъ искали мы средину;
Мы отвергали тотъ безплодной разговоръ,
Который пышныхъ словъ являетъ лишь соборъ.
Другіе вымысловъ искуство обожая,
И ложный жаръ за жаръ восторга принимая,
Въ ослабленныхъ стихахъ изображали намъ
Богиню радостей, идущу по цвѣтамъ:
За нею въ Амафонтъ, въ Цитеру поспѣшали,
И взоръ свой гибельной завѣсой покрывали.
А намъ, Филандръ, всегда разсудка свѣтъ сіялъ,
Онъ насъ къ божественной стезѣ той провождалъ,
Гдѣ добродѣтель насъ священная встрѣчала.
Въ пути семъ дружба насъ прелестна подкрѣпляла,
И сыпала цвѣты изъ нѣжныхъ рукъ своихъ.
Мы уклонясь съ тобой превратностей мірскихъ,
Дни сладостны вели въ объятіяхъ природы.
Густая тѣнь деревъ, ручья прозрачны воды,
Цвѣтущій видъ полей, все веселило насъ.
Тамъ чувства одного внимая только гласъ,
Мы въ новой красотѣ міръ зрѣли предъ собою.
Златаго вѣка дни вкушали мы весною;
И лѣто новыхъ тму являло намъ отрадъ!
Когда же Аквилонъ неся съ собою хладъ,
Повсюду простиралъ одно опустошенье,
И въ смертно приводилъ весь міръ оцѣпенѣнье:
Бѣседой дружеской животворились мы,
Не зная тягостныхъ скукъ мрачныя зимы.
Вселенныя краса, о плодъ неоцѣненный!
Щедротою небесъ для насъ произращенный;
О дружба! дольный міръ тмой бѣдствій покровенъ,
Твоимъ, твоимъ однимъ сіяньемъ озаренъ:

Ни съ чѣмъ на свѣтѣ ты не можешь быть сравненна;
Вся сладость нашихъ дней въ тебѣ лишь заключенна.
Когда отъ горнихъ странъ, какъ вѣющій Зефиръ
Блаженство свой полетъ стремитъ въ сей дольній міръ;
Къ тебѣ, къ тебѣ его обращено воззрѣнье,
И сѣнь твоя даетъ ему отдохновенье.
Тамъ, наслаждаяся чувствъ нѣжныхъ полнотой,
Плѣняется друзей священною четой.
Оно взирая къ нимъ съ прелестнымъ умиленьемъ,
Питаетъ ихъ сердца всечаснымъ восхищеньемъ;
И въ тихой ночи часъ, покрывъ своимъ криломъ,
Очаровательнымъ ихъ услаждаетъ сномъ!
Градъ пышный тѣнь одну веселія вмѣщаетъ;
Гдѣ жъ сердца жизнь? она съ природой обитаетъ.
Уединеніе обитель есть друзей;
Тамъ неразрывною взаимностью своей
И смерти и судьбѣ даютъ законъ всевластный.
 Судьба и смерть! увы! какой ударъ ужасный
Отъ вашей лютости на вѣки я пріялъ!
Филандръ! другъ нѣжный мой!... добычей вашей сталъ.
Свирѣпствуйте! а я съ нимъ буду неразлученъ,
Зрю прахъ его, и тѣмъ еще благополученъ!
Я дружбы олтаремъ гробницу чту его;
Тамъ ожидаю я мгновенія того,
Когда страданіе, мои разрушивъ силы,
Введетъ меня въ предѣлъ безмолвныя могилы,
И съ другомъ смертію меня соединитъ!
О дружба! для тебя хочу я только жить;
Нося съ терпѣніемъ смертельной тягость муки,
Тебѣ я посвящу стенящей лиры звуки.
 Лорензо! ты служа тщеславія мечтѣ,
Не льстися положить преграды, быстротѣ,
Превратна щастія летящей колесницѣ:
Прельщеніе въ очахъ, Перунъ въ его десницѣ!
Безцѣнно благо мы лишь въ дружбѣ можемъ зрѣть:
Премудрость и покой!... вотъ, что намъ другъ даетъ.

Какъ оживляетъ сонъ въ насъ силы истомленны,
Устами дружества слова произнесенны,
Подобной крѣпостью животворятъ нашъ духъ:
Такъ! щастія вѣнецъ, даръ первый неба!... другъ.
Угрюмой нелюдимъ всю связь прервавшій съ свѣтомъ,
И мыслей ставъ своихъ единственнымъ предметомъ,
Сердечной пустоты ни чѣмъ не замѣнитъ;
Онъ мракомъ чувствъ своихъ, все предъ собой темнитъ.
Существованіе, не жизнь ему, но бремя;
Свинцовой на него яремъ взлагаетъ время.
Онъ веществуетъ, спитъ! онъ умеръ для всего:
Весь міръ обширная пустыня для него.
Творецъ, дхновеніемъ для насъ создавшій слово;
Тѣмъ сообщилъ душѣ существованье ново:
Посредствомъ голоса является она.
Вѣщатель разума, о гласъ! тебѣ дана
Пріятнѣйшая власть надъ нашими сердцами.
Ты умъ и чувствія, животворишь устами;
Ты каждой истиннѣ сугубой блескъ даешь,
И убѣдительно за ней насъ въ слѣдъ зовешь;
Ты, ожививъ собой Орфея лиры звоны,
Бездушну веществу предписывалъ законы!
Ученье тягость намъ, коль не съ кѣмъ раздѣлить;
Въ союзѣ разумъ нашъ съ другими хочетъ быть.
Богатство скрытое даетъ ли наслажденье?
Дѣлись съ другимъ, и въ томъ найдешь пріобрѣтенье.
Сношенье съ ближними приноситъ жизнь всему;
Нигдѣ не можно быть щастливымъ одному.
Разсудокъ, сердце, все къ взаимности стремится.
Ахъ! съ другомъ поспѣшимъ скорѣй соединиться!
Съ нимъ сердцемъ согласясь, за щастьемъ въ слѣдъ пойдемъ.
Въ любви и дружествѣ мы щастіе найдемъ.
Такъ! истинной мудрецъ то благомъ лишь считаетъ,
Коль съ другомъ чувствія и мысль свою сливаетъ.
Природой дружества олтарь сооруженъ,
Ея рукой на немъ священный огнь возженъ;

Она даетъ сердцамъ взаимное влеченье,
Отъ ней заемлемъ мы всесильное стремленье,
Чтобы въ сліяньи душъ зрѣть наше бытіе!
"Мой другъ! коль щастливъ ты, зрю щастье я свое.
"Любезенъ я себѣ единственно тобою;
"Живу твоей душой, ты существуешь мною.
"Всѣ щастія дары, блескъ пышности, честей,
"Не могутъ ослѣпить меня мечтой своей:
"Мнѣ друга чувствіе милѣй, чѣмъ вся вселенна;
"Душа имъ оживясь, имъ только лишь блаженна!"
 Въ дни нашей радости, такъ мнѣ Филандръ вѣщалъ!
Словамъ симъ взоръ его жизнь новую давалъ.
Тогда, сладчайшимъ я восторгомъ упоенный,
Признательной мой духъ взносилъ къ Творцу вселенной.
"О Боже! восклицалъ я, въ радости души:
"Нѣжнѣйшихъ чувствъ моихъ вѣщаніе внуши;
"На друга моего излѣй свою всю благость!
"Зловредной отъ него отринь судьбины тягость.
"Чѣмъ онъ, пусть лучше я страданьемъ угнѣтусь!
"Сраженный бѣдствіемъ, я другомъ подкрѣплюсь."
Вѣщалъ, и зрѣли мы отверстымъ предъ собою
Чертогъ, гдѣ царствуетъ владѣющій судьбою:
Къ нему стремились мы въ сліяніи сердецъ,
И принимали тамъ безсмертія вѣнецъ.
 Но все то кончилось, Филандра нѣтъ! и въ свѣтѣ
Для сердца моего нѣтъ ничего въ предметѣ.
Пятнадцать лѣтъ, (тогда я годы не считалъ!)
Пятнадцать лѣтъ, союзъ насъ дружбы сопрягалъ.
Не блескомъ пышности, и не богатствъ мечтою,
Онъ добродѣтелью былъ заключенъ одною.
Филандръ! я дружбою тщеславился твоей;
О щастье! бывшее моихъ отрадой дней,
Уже ты для меня на вѣки прекратилось;
Въ единый гробъ съ моимъ ты другомъ заключилось.
 Изъ гроба, перешедъ въ другое бытіе,
О, другъ мой! не вини отчаянье мое!

От лучезарныхъ странъ, гдѣ ты теперь безсмертенъ,
Коль другъ твой страждущій тебѣ еще примѣтенъ,
Ты съ умиленіемъ взоръ обрати къ нему!
Зри! въ мірѣ цѣломъ нѣтъ пристанища ему;
Ты умеръ! ахъ! одно ужасное толь слово,
Изторгнуть изъ меня духъ горестной готово.
Нѣтъ! я не зналъ тебя, когда я жилъ съ тобой,
Узналъ, какъ смерть къ тебѣ приближилась съ косой.
Во всемъ величьи мнѣ тогда твой духъ открылся,
Когда съ земной страны въ міръ новой онъ стремился.
Изображенье то теперь еще я зрю!
Ахъ, для чего твоимъ я жаромъ не горю?
Подобное тебѣ питая воспаленье,
Сколь сильно могъ бы я то описать мгновенье,
Когда внезапнымъ станъ ударомъ пораженъ,
Десницей смерти ты былъ къ гробу привлеченъ.
Вотще тебя болѣзнь лютѣйша истомляла;
Терпѣнія душа твоя не оставляла.
Не содрогаясь, ты часа послѣдня ждалъ,
И твердость существа безсмертнаго являлъ;
Ты кончилъ жизнь, какъ день весенній погасаетъ.
Но кисть моя изъ рукъ дрожащихъ упадаетъ!
Чистѣйши существа, хранители людей,
Лишь могутъ кистію изобразить своей
Величественну столь и страшную картину!...
Такъ! праведника зрятъ всегда они кончину.
Съ превыспреннихъ небесъ, слетая съ торжествомъ,
Спѣшатъ они къ нему съ блистающимъ челомъ;
Спѣшатъ, и смертный одръ крилами осѣняютъ,
Малѣйшее его движенье примѣчаютъ;
Послѣдній, слабый вздохъ въ ихъ слухъ проникнетъ тотъ,
Съ которымъ праведникъ жизнь вмѣстѣ издохнетъ!
Онѣ отъ узъ земныхъ души зрятъ отдѣленье,
И ей сопутствуютъ въ небесное селенье.
А я, лишь дружествомъ единымъ воспаленъ,
Я долженъ быть тоской безмолвной угнѣтенъ!

Но можноль, чтобъ мой другъ забвенъ остался мною,
Чтобъ славы лучь его объялся смертной тмою?
О небо! въ сердцѣ я какой вдругъ слышу гласъ?
Филандръ! раздался въ немъ твой нѣжной стонъ въ сей часъ;
Велишь! и кисть изъ рукъ твоихъ я принимаю,
Тобою оживясь, я силы испытаю.
Что зрю? отъ глазъ моихъ свѣтъ солнечной изчезъ!
Мечтаю въ ужасѣ, что я во мрачный лѣсъ
Изъ мѣстъ прелестнѣйшихъ сталъ пренесенъ мгновенно.
Мечтаю, что ко мнѣ изъ гроба устремленно
Подобье страшное владычицы могилъ!
Что часъ, послѣдній часъ мнѣ жизни наступилъ.
Разверзлись пропасти; и призракъ тмы свирѣпый,
Жилища смертнаго разторгнувши заклепы,
Влечетъ меня туда безжалостной рукой.
Филандръ! мой другъ! увы! одръ смертный вижу твой?
Возносишь ты ко мнѣ плачевное стенанье!
Изчезни отъ меня ужасное мечтанье!
Не смерти одръ, престолъ зрю славы вѣчной я;
Филандръ! на немъ душа вѣнчается твоя
Правителя міровъ всесильною десницей;
Къ нему ты воспарилъ, раставшися съ гробницей.
О, святотатцы! вы отъ мѣстъ бѣгите сихъ,
Дыханіемъ своимъ не заражайте ихъ!
Бѣгите! божество нисходитъ въ ту обитель,
Откуда другъ добра и истинны ревнитель,
Въ гробъ уклоняется на время опочить;
Предѣлъ, гдѣ прахъ его, собой онъ освятитъ.
Тамъ истинна чело возноситъ лучезарно,
Личина тамъ падетъ и чувствіе коварно
Со всею гнусностью представится очамъ!
Тамъ время разорветъ завѣсу по поламъ,
Скрывавшую отъ насъ небесныя чертоги,
Съ боязнію туда земныя вступятъ боги;
Безтрепетной герой, бросавшій ярый громъ,
Объявшись ужасомъ, поникнетъ въ прахъ челомъ.

Но добродѣтельный злость смерти побѣждаетъ;
Онъ твердъ; оставшійся лишь другъ объ немъ стонаетъ.
Филандръ! твой смертный часъ всегда въ душѣ моей!
Рокъ не грозя тебѣ, всей ярости своей
Тебѣ готовилъ громъ. Средь щастья, въ лучши лѣта,
Филандръ! ты отнятъ сталъ отъ друга и отъ свѣта.
Какой недугъ тебя ужасный поражалъ!
На пламенномъ одрѣ онъ жизнь твою снѣдалъ.
Безпрерывнымъ ты мученіемъ томился;
Всечасно предъ тобой свѣтъ солнечный мрачился;
Ликъ изчезалъ небесъ, гробъ отверзалъ врата!
Мнѣ ль описать тотъ часъ, какъ каждая черта
Филандръ! въ лицѣ твоемъ видъ смерти представляла;
Когда послѣдняя минута наступала;
Когда послѣдній стонъ, стонъ друга моего,
Мнѣ предвѣщалъ, что я лишаюся его!
Мнѣ ль описать, какъ все прервалось быстротечно?
Ахъ! мнѣ ль изобразить безмолвье друга вѣчно?
Вздохнулъ! все кончилось! Филандръ! мой другъ! проснись!
На голосъ дружества стенящій отзовись.
Въ объятьяхъ друга ты! ... какъ все перемѣнилось!
Предъ нимъ и предо мной все въ мірѣ помрачилось.
Но что вѣщаю я? гдѣ лютой смерти страхъ?
Филандръ! здѣсь персть твоя, а духъ твой въ небесахъ.
Правитель естества! нещастныхъ благодѣтель!
Съ какой любовью ты пріемлешь добродѣтель!
Мой другъ передъ тобой; онъ мнѣ съ страны твоей,
Отраду подаетъ воззрѣніемъ очей.
Когда свѣтило дня въ торжественномъ теченье
Подъ горизонтъ свое пріемлетъ уклоненье;
Въ тотъ часъ, когда поля покроются росой,
И ночь ихъ осѣнитъ сгущенной темнотой;
Тогда вершина горъ, съ величьемъ вознесенна,
Послѣднимъ блескомъ дня бываетъ озаренна.
Филандръ! такъ смерти мракъ не могъ тебя объять.
Твой видъ не преставалъ спокойствія являть;

Уже на немъ печать безсмертія сіяла!
Надежда вѣчности тебя воспламеняла,
Сразила смерть, но ты, земной оставя свѣтъ,
Въ объятія Творца свой устремилъ полетъ!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ НОЧИ.

НОЧЬ ТРЕТІЯ.

ВРЕМЯ.

Le riche se délivre, au prix de sa fortune,
Du temps qui l'importune ;
C'est en ne vivant pas, que l'on croit vivre heureux.

THOMAS.

НОЧЬ ТРЕТІЯ.

ВРЕМЯ.

(1802)

Лорензо! дружества внушая приглашенье,
Въ безмолвное пойдемъ со мной уединенье,
Гдѣ въ нѣдрахъ тишины Филандра прахъ лежитъ;
Краснорѣчиво намъ гробъ друга говоритъ.
Возсядемъ близъ него! ахъ! я еще мечтаю,
Что къ сердцу моему Филандра прижимаю,
Что утѣшительный внимаю гласъ его;
Нѣтъ! смертью отнятъ онъ отъ сердца моего.
Уже онъ преселенъ въ безвѣстное селенье,
Гдѣ вѣчности жезла единое движенье
Столѣтія творитъ и низвергаетъ въ прахъ.
Все бренность нашу въ сихъ являетъ намъ мѣстахъ;
Разпространенная повсюду молчаливость,
Разсудка нашего смиряя горделивость,
Сильнѣе, чѣмъ слова, въ томъ убѣждаетъ насъ,
Что жизни недалекъ отъ насъ послѣдній часъ!...
А мы лишь въ суетахъ препровождая время,
Считаемъ каждой мигъ за тягостное бремя.
Лорензо! друга ты лишеніемъ сраженъ,
Почто же смертію его не убѣжденъ,

Что нами каждое потерянно мгновенье,
Есть добровольное отъ жизни отчужденье?
Корыстолюбья рабъ, стяжаньемъ дорожа,
Отъ каждыя молвы въ хищеніи, дрожа,
Привязанность къ нему свою усугубляетъ;
Неусыпленный взоръ на злато обращаетъ,
И позабывъ себя, онъ мыслитъ лишь объ немъ.
А ты, повсюду зря разящій смерти громъ,
Зря ближнихъ, гибнущихъ всечасно предъ собою,
Ты! не смущаяся премѣнностью такою,
Въ забвеніи живешь о краткихъ дняхъ своихъ:
Но бойся! уже смерть прервать грозится ихъ.
Не мысли, чтобъ цвѣтя весенними лѣтами,
Ты не былъ пораженъ судьбины злой стрѣлами!
Могуществу ея препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Какъ старца, юношу равно она влечетъ
Безжалостной рукой въ предѣлъ гробницы мрачной.
И смерть, губитель сей безчувственной и алчной,
Какъ тѣнь за бытіемъ послѣдуетъ твоимъ.
А мы, мы временемъ такъ мало дорожимъ!
О, расточители! сокровища безцѣнна,
Съ чѣмъ можетъ нашихъ дней минута быть сравненна?
Сколь время дорого, ступайте вопросить
Того, кто предъ собой смерть предстоящу зритъ.
Она нанесши намъ однажды пораженье,
Насъ въ вѣчное свое влечетъ порабощенье,
И ей сугубую мы платимъ дань тогда.
Но разсужденьемъ симъ займемся ль мы когда?
Забывъ, сколь бытіе здѣсь наше скоротечно,
На лонѣ праздности вкушаемъ сонъ безпечно,
И просыпаемся, конецъ зря нашихъ дней.
Изъ мрачной пропасти извлекшися своей,
Ужъ блѣдна смерть ко мнѣ съ косою приближалась,
Ужъ кровь хладѣюща во мнѣ становлялась,
Ужъ время отъ меня свой отвращало взглядъ!
Но ты, наукою цѣлебною, Меадъ,

Властительницы тмы преодолѣвши злобу,
Стараніемъ своимъ путь преградилъ мнѣ къ гробу!
И время, даръ небесъ! мнѣ отдано тобой.
Почто я не могу, возвысивъ голосъ мой,
Торжественно тебѣ язы ть благодаренье?
Желалъ бы, чрезъ тебя, зря жизни возвращенье,
Къ безсмертію тебѣ путь вѣрной проложить.
Но ахъ! я не могу себя той славой льстить!
Унынье мрачное мой слабой духъ объемлетъ;
Твой даръ, которому и рокъ свирѣпый внемлетъ,
Увядшу мысль мою не можетъ подкрѣпить;
Кто сталъ всего лишенъ, къ чему тѣмъ въ свѣтѣ жить?
Но духъ признательный питать я вѣчно буду,
Отверстой видя гробъ, тогда лишь позабуду,
Что новымъ существомъ я одолженъ тебѣ.
Днесь общей смертныхъ всѣхъ послѣдуя судьбѣ,
Ужъ хладной старости гнятуся я рукою,
И чувствіемъ однимъ надъ сей взношусь судьбою!
Вселенна цѣлая, училище для насъ;
Какъ временемъ владѣть, ея вѣщаетъ гласъ.
Подъ кровомъ темноты, мы бытіе теряемъ,
Но снова оживясь, лучь солнечный встрѣчаемъ.
Съ премѣною для насъ день каждый возстаетъ,
И цѣлу жизнь собой онъ ощущать даетъ.
А мы, различія сего не постигая,
Не дни, столѣтія въ единый кругъ вмѣщая;
Разнообразія познать не мыслимъ ихъ!
Какъ бездна, въ берегахъ свирѣпствуя своихъ,
Одну волну другой внезапно пожираетъ,
И въ тожъ мгновеніе слѣды ихъ заглаждаетъ:
Такъ время, быстротой полета своего,
Здѣсь невозвратну дань сбираетъ со всего.
Но мы сего не зримъ! рабы воображенья,
Не мыслимъ смерти мы примѣтить ухищренья,
Которая нашъ взоръ мечтой очаровавъ,
Стезею ложныхъ насъ влечетъ къ себѣ забавъ,

Влечетъ, и льстивый путь нашъ къ безднѣ ускоряетъ;
Свергая насъ въ нее, мечту уничтожаетъ,
И нашей гибелью духъ услаждаетъ свой.
Такъ судно, льстимое морскою тишиной
Плыветъ, и паруса спокойны опускаетъ;
Но вдругъ, вѣтръ яростный пучину возмущаетъ,
И судно, ставъ игрой сѣдѣющихъ валовъ,
Отъ бездны пропастей, взносясь до облаковъ,
Утесовъ каменныхъ внезапно достигаетъ,
Стремится, рушится и въ безднѣ изчезаетъ.
  Виновникъ щастія народа своего,
О, Титъ! величьемъ ты рѣченія сего:
"Друзья! сколь жалокъ Титъ, онъ день одинъ утратилъ!"
Безцѣнность времени разительно назначилъ.
Не пышной властію, не красотой вѣнца,
Влеченьемъ лишь къ добру ты покорялъ сердца.
Огромный памятникъ, тщеславьемъ сооруженный,
Судьбѣ, и времени въ преграду вознесенный,
Дивя ничтожный умъ, низвергнется во прахъ;
Но добродѣтели, свѣтясь во всѣхъ вѣкахъ,
Ведутъ насъ вѣрною въ храмъ вѣчности стезею.
О, Титъ! великою душею ты своею,
Всевластну времени уставы подавалъ,
И жизни годъ, ты въ день единый заключалъ.
  Вотще природа намъ примѣръ собой являетъ;
Нашъ ослѣпленный умъ она не убѣждаетъ.
Не утомляяся въ движеніи своемъ,
Существованіе включаетъ только въ немъ.
Такъ добродѣтельный путь жизни протекая,
И скоротечность дней своихъ останововляя,
Минуту каждую безсмертною творитъ.
Пусть время быстроту полета ускоритъ,
Съ мгновенья каждаго онъ дань сберетъ обильну.
Случайность, мочь свою употребивъ всесильну,
Не можетъ въ дѣйствіи явить ему препонъ.
Отъ Бога самаго внушаетъ онъ законъ...

Возносится къ нему и власть надъ всѣмъ пріемлетъ!
О, смертный! чти добро! Богъ каждой мысли внемлетъ.
Гдѣ обрѣсти могу, властителя міровъ?
Блаженны жители превыспреннихъ круговъ!
Скажите, гдѣ чертогъ зиждителя вселенной?
Крилами осѣнивъ престолъ его священной,
Съ подобострастьемъ взоръ стремите вы къ нему!
А я, взглядъ обращу ль ко свѣту твоему,
Увижу ль вкругъ тебя простерто озаренье,
Предъ коимъ солнца блескъ придетъ въ уничтоженье?
Увижу ль стопъ твоихъ божественны слѣды,
Произрастающи нетлѣнныя цвѣты?
Со трона твоего, въ единое мгновенье
Объемлетъ всѣ міры, одно твое воззрѣнье!
И время, ярый гнѣвъ смиряя предъ тобой,
Взоръ дерзкой на тебя возвесть не смѣетъ свой.
Речешь, и тьмы вѣковъ внезапно съединенны,
Ничтожства бездною въ мигъ будутъ поглощенны.
Въ торжественный тотъ часъ, когда всего Творецъ,
Боренію стихій опредѣливъ конецъ,
Въ ихъ лоно бурное, излилъ плодотворенье,
И уготовивъ въ немъ природы устроенье,
Вселенну произвелъ! Въ тотъ незабвенный часъ,
Зиждителя міровъ, внушивъ всесильный гласъ,
Пріяло бытіе быстротекуще время.
Бездѣйствія съ себя низвергнувъ тяжко бремя,
И вѣчности предѣлъ безмолвной прелетѣвъ,
На все твореніе отверзло алчный зѣвъ!
Столѣтья, годы, дни во слѣдъ ему стремятся;
Мелькнутъ! и отъ его воззрѣнья изтребятся.
Съ какою быстротой къ намъ мещетъ солнце свѣтъ,
Такъ время въ мірѣ семъ, свершая свой полетъ,
Стремится къ вѣчности, не зная утомленья.
И только въ страшный часъ всеобща разрушенья,
Когда глаголъ Творца вселенну поразитъ,
Тьмочисленны міры въ ничто преобратитъ,

И яростныхъ стихій упорное смѣшенье,
Въ бездѣйство приведетъ перста его движенье:
Теченью времени придетъ тогда конецъ.
До тѣхъ же поръ, небесъ превыспреннихъ Творецъ,
Движеніе ему назначилъ непремѣнно;
Со громомъ, бурею оно совокупленно
Летитъ, и гласъ суетъ не внятенъ для него!
О, смертный! времени дороже мигъ всего:
Паренье удержи его быстротекуще,
Къ предѣлу смертному съ собой тебя влекуще.
Смотри! мигъ не пройдетъ и времени криломъ
Сотрется звѣздъ златыхъ неизчислимый сонмъ!
Смотри! свѣтъ солнечный внезапно погасаетъ,
И предъ тобой, какъ сонъ, вселенна изчезаетъ.
Увы! что значитъ нашъ нещастный міръ земной?
Неизмѣримый кругъ лишь тлѣнности одной,
Гдѣ горести на все простерлася десница;
И словомъ: общая для смертныхъ онъ гробница!
Родится человѣкъ, и жизнью удивленъ,
Онъ зритъ, что смертію отвсюда окруженъ.
Жизнь мчится, смерть грозитъ, дверь вѣчности трясется,
Въ смятеньи къ своему предѣлу все влечется.
Всѣ хладнымъ ужасомъ объяты существа;
А человѣкъ, черта малѣйша естества,
На слабомъ волоскѣ надъ бездною висящій,
Не видя на него громъ времени лѣтящій,
Въ забвеньи скованъ сномъ при общей бурѣ сей!
Проснись! и силою воспрянь души своей!
Отринь величіе, попри мечты ногою,
И часомъ дорожи, зря вѣчность предъ собою:
Подпорою для ней единый служитъ мигъ.
Спѣши, чтобъ время ты въ пути еще настигъ!
Моли, чтобы оно умѣря быстротечность,
Разило бы не вдругъ за сонъ твой и безпечность!
Для добродѣтели на свѣтѣ нѣтъ препонъ:
Судьбѣ и времени даетъ она законъ.

Могуществомъ своимъ въ единое мгновенье,
Протекшихъ нашихъ дней вмѣщаетъ все теченье.
О смертный! воспаливъ свой духъ ея огнемъ,
Безстрашно къ вѣчности стремись ея путемъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ НОЧИ.

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

НАРЦИССА.

или

СѢТОВАНІЕ О СМЕРТИ ДОЧЕРИ.

Et Rose, elle a vécu ce que vivent les Roses,
L'espace d'un matin

MALHERBE.

Le sort, nos ennemis ne peuvent nous ravir,
Le plaisir douloureux de pleurer, de gémir.

COLARDEAU.

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

НАРЦИССА.

ИЛИ

СѢТОВАНІЕ О СМЕРТИ ДОЧЕРИ.

(1803)

Изчезли сна мечты, я снова пробужденъ!
Еще весь міръ во мракѣ глубокой погруженъ:
Душевный только лучь сіяетъ предо мною.
Увы! я для того ночною темнотою
Отверзъ зеницы глазъ, чтобъ волю дать слезамъ.
Съ какимъ веселіемъ къ назначеннымъ часамъ
Въ мѣста свиданія, любовникъ поспѣшаетъ,
Я такъ стремлюсь туда, гдѣ горесть обитаетъ.
Подруга темноты, душъ нѣжныхъ божество,
Когда безмолвіемъ объято естество;
Когда лишъ горести единой воздыханье,
Тревожитъ общее, глубокое молчанье:
Луна! ты воцарясь въ предѣлахъ горнихъ мѣстъ,
Тамъ правишь сонмами неизчислимыхъ звѣздъ:
Внуши мой гласъ! спустись съ престола осребренна:
Пускай душа моя, тобою оживленна,
Подобіе твое въ Нарциссѣ воспоетъ!
Когда средь воздуха покровъ ночь разпростретъ,
Надъ сферами небесъ ты власть тогда пріемлешь,
Движеній стройныхъ ихъ согласію ты внемлешь.

Тѣ звуки сладостны, въ благопріятномъ снѣ,
Коль можно, повтори, подруга ночи! мнѣ.
Ихъ силой подкрѣпясь, пусть съ лирою стенящей
Соединю ихъ гласъ, союзъ міровъ творящей.
Воззваніе къ тебѣ мой оживило духъ!
Другъ нѣжности! ко мнѣ ты преклоняешь слухъ.
Ты знаешь, кто моихъ слезъ горестныхъ виною....
Краса, въ пріятностяхъ равнявшаясь съ тобою,
Душевной кротостью подобная тебѣ,
Нарцисса! нѣтъ ее!... ставъ жертвою судьбѣ,
О ней терзаюсь я, лью слезы и мечтаю!
И разъ ее лишась, всякъ часъ ее теряю.
Я зрю, Нарцисса! смерть спѣшитъ къ тебѣ съ косой!
Хладѣешь ты! и гласъ прерывный слышу твой!
"Увы! вѣщаешь ты: ужъ смерть мой взоръ затмила,
"Надежду, юность, все! ночь вѣчна поглотила!"
Нѣтъ, нѣтъ! той ночи тракъ, когда Филандръ сраженъ,
Со мглою ночи сей не можетъ быть сравненъ.
О бѣдствій цѣпь! онѣ всегда совокупленно
Къ тому спѣшатъ, въ комъ духъ и сердце умерщвленно.
Для нихъ веселіе нещастнаго терзать!
Едва успѣлъ землѣ Филандровъ прахъ предать,
Готовъ Нарциссѣ гробъ! Неизъяснимы муки,
Лютѣйшимъ бременемъ тягча меня разлуки,
По каплямъ истощать даютъ мнѣ скорби ядъ!
Въ обширномъ мірѣ семъ лишенный всѣхъ отрадъ,
Отъ друга, къ дочери влекусь души томленьемъ.
Пріемля отъ судьбы ударъ за пораженьемъ,
И смертью преносимъ отъ бѣдъ однѣхъ къ другимъ,
Могу ли чувствіямъ назначить цѣль моимъ?
Сомнѣнна скорбь моя не зритъ себѣ предѣла.
О, дочь моя! мой другъ! не знавъ межъ васъ раздѣла,
Дѣлю межъ вами днесь разтерзанный мой духъ.
И такъ, предвѣстіемъ тому служилъ мнѣ другъ,
Что рокъ мнѣ новою потерей угрожаетъ;
Что къ гробу, смерть его, Нарциссу провождаетъ.

Какъ мрачный вранъ грозитъ намъ приближеньемъ бѣдъ,
Такъ предо мной, Филандръ! тебя сразивша смерть
Являла, что еще, она ждетъ жертвы новой!
Въ цвѣту весеннихъ лѣтъ, Нарциссу, рокъ суровой
Въ непроницаемый гробницы мракъ низвергъ.
Едва душа ея раждалась для утѣхъ,
Едва блаженство къ ней съ улыбкою взирало;
(Блаженство! нѣтъ! его въ семъ мірѣ не бывало!)
И первой лучь любви едва блеснулъ въ очахъ;
Блеснулъ! пресѣклось все; подруга Грацій... прахъ.
Пріятность, кротость, все, Нарциссу украшало!
Все отъ невинности прелестнѣй въ ней блистало.
Веселонравіе, чувствъ нѣжныхъ простота,
Пріятности ума, душевна красота;
Увы! все было въ ней!... и щастіе казалось,
Чтя столько въ ней даровъ, къ ней нѣжно улыбалось,
Стремясь отрады всѣ для ней совокупить.
Но можноль чѣмъ себя отъ смерти оградить?
Нарцисса для нее примѣтнѣй только стала:
Съ вершины благъ земныхъ она сколь быстро пала!
Убивственнымъ свинцомъ, сраженный соловей,
Средь пѣсни сладостной такъ падаетъ своей.
Онъ палъ! изчезло съ нимъ лѣсовъ очарованье.
За гласомъ прерваннымъ, глубокое молчанье
Простерлось въ воздухѣ, по рощамъ и лугамъ;
И мрачный ужасъ вновь пріялъ державу тамъ.
Нарцисса! твой отецъ раставшися съ тобою,
Внезапно мрачностью сталъ окруженъ такою!
И такъ! ужъ для меня твой прекратился гласъ!
Твой гласъ? возможноли! ты въ гробѣ, но въ сей часъ
Мой слухъ послѣднѣе внушивъ твое вѣщанье,
Вливаетъ въ чувствіе сладчайше трепетанье!
Ахъ! скорбь стремится вновь, и мигъ сей пролетѣлъ.
О дочь моя, тебя!... забыть бы я хотѣлъ.
Забыть тебя! увы! въ моей ли это волѣ?
Имѣвъ тебя, въ какой я былъ завидной долѣ!

Чѣмъ небо одарить лишь смертнаго могло,
Съ какимъ сіяньемъ то въ Нарциссѣ все цвѣло!
Видъ ангельскій собой Нарцисса представляла;
И въ имени отца рай жизни мнѣ являла.
Названье сладостно! вѣнецъ всѣхъ благъ земныхъ,
Ахъ! долго ли твой блескъ сіялъ въ очахъ моихъ?
Едва мелькнулъ! и я низвергся бѣдъ въ пучину!
Увы! чѣмъ раздражить я столько могъ судьбину?
Горячностью ль отца? но смерть не внемлетъ ей!
Дыханьемъ челюсти губительной своей,
Прелестной розы блескъ въ зарѣ ея затмила;
И плодъ годовъ, въ одну минуту поглотила.
  Что значитъ щастіе юдоли сей земной?
Мигъ! годы бѣдствія влекущій за собой.
За каплю сладости мы рѣки пьемъ отравы;
Вотъ непреложныя для смертнаго уставы.
Потери чувствіе, въ сравненіи отрадъ,
Для сердца нашего есть смертоносный ядъ.
Я былъ отцомъ! но ахъ! то милое названье,
Могло ли превышать теперешне страданье?
Оно тѣмъ болѣе мою терзаетъ грудь.
Нарцисса! вѣчныхъ слезъ моихъ предметомъ будь;
Тѣ слезы для меня послужатъ оживленьемъ.
Вѣрь, сердца моего съ послѣднимъ лишь біеньемъ
Забуду бѣдственной съ тобой разлуки часъ.
Такъ! и тогда, какъ огнь въ тебѣ ужъ жизни гасъ,
Когда въ объятіяхъ ты смерти леденѣла,
Еще ты прелести небесныя имѣла!
Зря смерть твою, и я ждалъ смерти для себя;
Теряя, болѣ всѣхъ временъ любилъ тебя
  Пусть горделивый духъ въ своемъ окамененьѣ,
Вмѣняетъ слезы намъ въ позоръ и преступленье;
Нещастный! онъ того не можетъ вѣчно знать,
Какія сладости намъ слезы могутъ дать.
Источникъ ихъ въ душѣ! изъ ней онѣ стремятся,
Когда въ насъ чувствія стѣсненны размягчатся.

Разсудокъ иногда чрезмѣрность ихъ винитъ;
Разсудокъ! властенъ ли онъ чувствіямъ претить?
Отцы, подобнымъ мнѣ сраженны разлученьемъ,
Вы знаете, какимъ разтерзанъ я мученьемъ.
Внимайте мнѣ! едва въ Нарциссиныхъ очахъ
Блескъ началъ померкать: Едва въ ея чертахъ
Смерть возвѣщающа, разпространилась блѣдность;
Едва предчувствомъ злымъ моя сразилась нѣжность:
Изъ мѣстъ рожденія , гдѣ царствуетъ Борей,
Гдѣ сѣетъ хладъ и смерть онъ въ лютости своей;
Спѣшилъ я въ тѣ мѣста, гдѣ солнечно сіянье,
Долженствовало бы смягчить ее страданье.
Спѣшилъ! что бы узнать, что льстился я мечтой!
Надмѣнный вождь свѣтилъ, безчувственный блескъ твой
Съ такимъ же хладомъ зритъ красы изнеможенье,
Какъ и прельщающихъ весной цвѣтовъ паденье.
Нарцисса нѣжная, въ объятіяхъ моихъ
Взоръ уклонила свой такъ отъ очей твоихъ,
Какъ лилія въ саду главою поникаетъ.
О вы! чія краса среди полей блистаетъ,
Цвѣты! піющіе отрадной солнца свѣтъ;
Весеннихъ, кроткихъ дней, любезнѣйшій предметъ;
Вы, для кого съ небесъ ліется оживленье;
Въ комъ солнечныхъ красотъ встрѣчаетъ взоръ смѣшенье;
Когда Нарциссина къ вамъ прикасалась длань,
Какъ торопились вы себя принесть ей въ дань!
На персяхъ вы ея блескъ новой получали;
Въ дыханьи вѣтерка, вы ей передавали
Сладчайшій ароматъ, ей равный въ чистотѣ.
Прелестны существа! подобныя мечтѣ,
Какъ наши, ваши дни равно быстротекущи;
Но муки, бѣдствія столь смертныхъ духъ грызущи,
Несвѣдомы для васъ! вашъ жребій, взоръ плѣнять,
Раждаться для отрадъ и въ щастьи умирать!
И такъ, Нарциссинъ прахъ въ землѣ иноплеменной
Я долженъ былъ сокрыть... Ударомъ симъ сраженной,

Еще лютѣйшія я бѣдства встрѣтилъ тамъ!
Когда отчаянью, когда моимъ слезамъ
Казалось, естество бездушное внимало,
Подобныхъ чувство мнѣ, разить меня дерзало.
Враги самихъ себя, враги природы всей,
Мы въ святотатственной жестокости своей,
И Бога лютостямъ своимъ сопричащаемъ!
Отца нѣжнѣйшаго въ тирана претворяемъ.
Когда объятья онъ къ Нарциссѣ простиралъ,
Когда онъ духъ ея на лоно принималъ;
Тогда я на землѣ не могъ обресть ей гроба,
О суевѣрія неистовая злоба,
Разсудокъ, чувствіе, все, помрачаешь ты!
Твои ужасныя для смертнаго мечты,
Посѣявъ распрю въ немъ съ влеченіемъ природы,
Отъ чувствъ его любви отторгли тѣ народы,
Которые хотя такогожъ Бога чтятъ,
Но въ вѣрѣ лишь своей иной обрядъ хранятъ.
О, Боже благости! то пагубное рвенье,
Претило и землѣ съ землей соединенье.
Къ кому прибѣгнуть я, кого молить я могъ?
Ахъ! стону моему внималъ единый Богъ!
Онъ зрѣлъ меня всѣхъ бѣдъ стеченьемъ пораженна;
И съ тѣломъ дочери средь ночи, отдаленна
Отъ взоровъ тѣхъ, въ комъ зрѣть я братій мнилъ моихъ.
Тамъ, укрываяся со трепетомъ отъ нихъ,
Нарциссинъ прахъ повергъ поспѣшно въ мракъ могилы!
Едва собравъ мои изнеможенны силы,
Съ рыданіемъ надъ ней моленье произнесъ,
Изрѣкъ прощаніе! и скорбь мою понесъ
Отъ сихъ плачевныхъ мѣстъ, какъ къ смерти осужденный!
Нарцисса! дочь моя, мой духъ оцѣпенѣнный,
Какимъ безчувствіемъ меня обременилъ!
Я надписью твоей гробницы не почтилъ.
Незнаема ни кѣмъ въ странѣ иноплеменной,
Твой прахъ, увы! моей Нарциссы прахъ священной,

Людей безчувственныхъ попрется тамъ ногой;
Сколь слабый твой отецъ виновенъ предъ тобой!
Какъ могъ смутиться онъ враговъ твоихъ гоненьемъ,
Коль гласомъ естества и чувствія влеченьемъ,
Онъ подвигаемъ былъ воздать тебѣ весь долгъ?
Необходимости онъ побѣдить не могъ.
Прости, дражайша тѣнь! въ волненіи душевномъ
Одинъ, безъ помощи, въ томъ жребіи плачевномъ,
Съ моленьемъ о тебѣ онъ клятвы съединялъ,
И въ образѣ людей, людей не познавалъ!
Объятый ужасомъ стремился онъ оттолѣ;
И могъ ли бы дышать тѣмъ воздухомъ онъ долѣ?
Онъ въ изступленьи чувствъ тамъ землю попиралъ,
И жителямъ ея въ отчаяньи желалъ,
Чтобъ жертвою они всѣ той гробницы стали,
Въ которой для тебя, Нарцисса, отказали.
Отчаянье мое кто можетъ порицать?
Но сколь ужасный грѣхъ прахъ мертвыхъ оскорблять.
Тотъ, кто простеръ лазурь по звѣздному Эфиру,
Кто солнца видъ облекъ въ блестящую порфиру,
Тотъ самый Богъ, міровъ безчисленныхъ Творецъ,
Прахъ создалъ смертнаго; и общій сей отецъ
Знаменовалъ его печатью совершенства.
О гробъ! предверіе безсмертнаго блаженства,
Не смѣетъ ненависть, не смѣетъ вопль страстей
Безмолвье нарушать обители твоей;
Лишь суевѣріе, самой лютѣе злобы,
Дерзаетъ возмущать и безмятежны гробы.
Сколь ослѣпленіе сіе раждаетъ бѣдъ?
О вы, любовію рожденныя на свѣтъ;
Вы, существующи любовію одною,
Вы, для кого одна любовь всѣхъ благъ виною:
И для любви кому назначенъ только мигъ!
Вамъ можноль ненависть питать въ сердцахъ своихъ?
Тотъ извергъ естества, тотъ рушитъ всѣ законы,
Кто можетъ ближняго внимать холодно стоны?

Но что вѣщаю я? пріемля дружбы видъ,
Сколь часто человѣкъ въ душѣ весь адъ таитъ!
Онъ выждалъ часъ! разитъ! невинность упадаетъ!
Онъ яростенъ, какъ тигръ, коль месть въ немъ воспылаетъ.
Луна отъ словъ моихъ во мраки облекись,
И вмѣстѣ съ сонмомъ звѣздъ въ ночь вѣчну погрузись:
Не лучше ли, чтобъ міръ ничтожество объяло,
Коль смертный въ смертномъ зритъ всѣхъ бѣдъ своихъ начало?
Пускай меня винятъ; могуль холоднымъ быть?
Коль бѣдствіе моихъ друзей меня разитъ?
Филандръ, кого душой владѣла добродѣтель,
Филандръ, другъ истинны, нещастныхъ благодѣтель,
Имѣлъ враговъ! и былъ ихъ злобою гонимъ!
Но днесь ни онъ, ни я, не служимъ жертвой имъ.
Нарциссы смертію недавно пораженный,
Всѣ чувствія мои въ тоскѣ о ней включенны.
О, дочь моя! коль мой еще ты внемлешь гласъ,
Кончину дней твоихъ представь себѣ въ сей часъ.
Зри произшествія соединенны съ нею!
Онѣ на вѣкъ съ моей сліявшися душею,
Какъ гидры алчные грызутъ мой скорбный духъ.
Обремененное всѣхъ золъ стеченьемъ вдругъ,
Какое мужество тому противустанетъ?
Доколѣ капли слезъ въ очахъ моихъ не станетъ,
Нарцисса, о тебѣ, дотоль ихъ буду лить!
Вселенной скорбь мою стремяся возвѣстить,
Хочу, чтобъ о тебѣ скорбѣли повсемѣстно.
О имени моемъ гдѣ будетъ лишь извѣстно,
Тамъ отъ чувствительныхъ сердецъ ты примешь дань.
И пылкой юноша съ страстьми ведущій брань;
Въ дни щастья своего, восторговъ и веселья;
Сердечной жалости почувствовавъ движенья,
Пойдетъ въ унынія, съ поникшею главой
Въ обитель смерти, чтобъ заняться тамъ тобой!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ НОЧИ.

НОЧЬ ПЯТАЯ.

БЕЗСМЕРТІЕ.

La mort est la fin de la vie du méchant et le commencement de celle du juste.

J. J. Rousseau.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

къ

ПЯТОЙ НОЧИ.

Юнгъ въ началѣ сей Ночи обращается къ своей супругѣ: я осмѣлился замѣнить сіе воззваніе, воззваніемъ къ матери моей.

Надѣюсь на благосклонность читателей: кого не обезоружитъ имя матери? Оно составляло все щастіе моей жизни, и я приношу ему единственный мой даръ: изъявленіе сердечныхъ чувствъ.

Нѣжнѣйшая мать! среди превратностей моего рока, подъ игомъ необходимости, я не всего лишенъ: я живу напоминаніемъ о тебѣ!

НОЧЬ ПЯТАЯ.

БЕЗСМЕРТІЕ.

И такъ ужъ для тебя не существуетъ время!
Ты въ вѣчности! а я, влача страданья бремя,
Всѣ узы щастія со свѣтомъ разорвалъ;
Въ твоей мнѣ смерти рокъ ударъ послѣдній далъ.
Лишась отца, еще крѣпился я тобою;
Ты замѣняла мнѣ вселенную собою.
Сколь часто предъ Творцомъ лія усердья жаръ,
Вѣщалъ: "о Боже! твой неоцѣненный даръ
"Есть сердце матери! ты въ немъ изобразился!"
Но сей восторгъ теперь въ гласъ скорбный претворился.
Отъ мѣстъ рожденія судьбою отлученъ,
Чѣмъ восхищался я, тѣмъ нынѣ пораженъ.
Я даже мысленнымъ отрадамъ непричастенъ!
Но естьлибъ истребить тѣ муки былъ я властенъ,
Которыя позналъ на вѣкъ лишась тебя,
Забывъ ихъ, извергомъ почелъ бы я себя.
Что сердце есть во мнѣ тѣ муки мнѣ вѣщаютъ;
Онѣ въ душѣ моей тебя изображаютъ;
Онѣ мгновенье то являютъ живо мнѣ,
Когда какъ будто бы въ мучительнѣйшемъ снѣ.

Зрѣлъ невозвратное съ тобою разлученье!
  Но что? какое вдругъ чудесное явленье,
Въ блистательныхъ тебя представило лучахъ?
Я гласъ любви твоей внимаю въ сихъ словахъ:
"Мой сынъ! я не виню твой духъ о мнѣ стѣсненной,
"То жертва нѣжности, столь для меня безцѣнной,
"Низвергнувъ тяготу съ себя оковъ земныхъ,
"Не отлучилася я отъ дѣтей моихъ;
"Я съ вашими еще сопряжена душами.
"Но ты не унывай, разясь Творца судьбами.
"Иль мыслишь ты, что гробъ совсѣмъ меня сокрылъ?
"Онъ къ новой жизни мнѣ стезею послужилъ.
"Утѣшься, въ небесахъ безсмертье обитаетъ!"
  О тѣнь дражайшая! но взоръ мой не встрѣчаетъ
Ужъ болѣе тебя!... разсѣялась мечта,
И вновь всѣхъ бѣдъ меня постигла тягота.
Но я дерзну ль еще страданью быть подвластенъ?
О комъ я слезы лью, не та, но я нещастенъ;
Ей гробъ пути собой къ безсмертію отверзъ.
Иль мыслятъ, что душа, сей лучь самихъ небесъ,
Средь мрака гробнаго сіяніе теряетъ?
Нѣжнѣйша мать! оно тебя сопровождаетъ.
Низвергнувъ горестной съ себя земной яремъ,
Отъ всѣхъ страданій ты освободилась тѣмъ.
Съ тобою жизнь, а я со смертью неразлученъ;
Сколь жалокъ жребій мой, столь твой благополученъ!
О гробъ! сколь твой предѣлъ спасителенъ для насъ!
Вступленіе въ тебя, есть къ жизни первый часъ.
А міръ, гдѣ я живу, въ обширности творенья
Опредѣленъ служить обителью мученья;
Юдолью вѣчныхъ слезъ, гдѣ кипарисовъ мракъ
Блистательныхъ небесъ отъ насъ скрываетъ зракъ!
О мать моя! гдѣ ты! тамъ щастіе, тамъ вѣчность;
А здѣсь свирѣпствуетъ едина скоротечность.
Гдѣ ты, тамъ истинна, а здѣсь единый сонъ;
Здѣсь тлѣнность, смерть и скорбь даютъ всему законъ.

И такъ пускай твой гробъ затмится вѣчной тмою;
Коль смерть ужасною мы чтимъ для насъ стезею,
Ты протекла ее! ты сей оставя свѣтъ,
Въ селенья горнія направила полетъ;
Стремяся въ слѣдъ тебѣ, я новый міръ встрѣчаю.
О ночь, возвысь мой духъ! тебя я призываю;
Всю силу ты свою въ слова мои излей,
Да смертнымъ возвѣщу достоинство людей!
Пусть духъ мой истинны животворясь стремленьемъ,
Съ великостью души сравнится пѣснопѣньемъ!
Да возмогу стяжать безсмертья здѣсь вѣнецъ...
Но что вѣщаю я? о, суета сердецъ!
Земная слава, ты во всемъ землѣ подвластна,
Да будетъ пѣснь моя лишь съ вѣчностью согласна.
Привѣтствую тебя, безсмертный человѣкъ!
Я точное твое названіе изрекъ.
Ты, прелетѣвъ Эфиръ, войдешь въ предѣлъ небесный,
И житель, небесамъ дотолѣ неизвѣстный,
Ко сонму ангеловъ сопричастишься тамъ!
Угодно было такъ всесильнаго судьбамъ,
Чтобъ бренный праха сынъ въ нетлѣнность облачился,
Чтобъ смертью помрачась, къ безсмертью устремился,
Неувядаемой сіяя красотой!
Предвѣчный, благостью сіяющій одной,
Какое воздадимъ тебѣ благодаренье;
И можемъ ли снести всѣхъ благъ твоихъ видѣнье?
Ихъ бездной разумъ нашъ быть долженъ поглощенъ.
Коль духъ нашъ ревностью къ тебѣ воспламененъ,
То добродѣтель ли? нѣтъ! — долгъ для насъ единый.
Но ахъ! коль волею всемощныя судьбины,
Безмертье для меня къ страданью создано;
Коль скорбь мою продлить на вѣкъ должно оно,
То чѣмъ тщеславлюсь я? нѣтъ! Богъ прощать умѣетъ.
Раскаянье! въ тебѣ плодъ новый щастья зрѣетъ,
Ты съ Господомъ самимъ преступника миришь.
Творецъ! ты благостью во всемъ для насъ блестишь!

Ты бренности людей являешь снисхожденье,
А къ преступленію, хранишь долготерпѣнье.
Всѣмъ тварямъ мыслящимъ единый есть Творецъ;
Онъ равный огнь излилъ во глубину сердецъ;
Онъ къ нимъ опять прострετъ объятія съ Эфира,
Когда мгновенные сіи пришельцы міра,
Средь грозныхъ жизни бурь, средь испытаній злыхъ,
Отъ благородныхъ чувствъ не отойдутъ своихъ.
Познай, о человѣкъ! познай свое величье,
Въ пространствѣ всѣхъ міровъ, познай свое отличье,
Познай свой санъ, дивись сіянью своему;
Дивись, ты одолженъ тѣмъ Богу самому.
Въ мысль углубясь мою, себя обозрѣвая,
Я убѣждаюсь, есть обитель мнѣ другая;
Я зрю, что въ мірѣ семъ иноплемѣнникъ я,
Я зрю, что въ немъ душа лишь странствуетъ моя;
Что небо, цѣль ея, а Богъ, успокоенье.
О міръ! сколь суетно для насъ твое прельщенье!
Отринувши тебя, стремлю я свой полетъ
Туда, гдѣ съ божествомъ безсмертіе живетъ.
Стремлюсь, и новый видъ пріемлетъ вся вселенна!
Я мнилъ, что въ мракъ она на вѣки погруженна,
Что въ жертву тлѣнія природа отдана;
А днѣсь въ какой красѣ является она!
Въ природѣ бытіе предстало мнѣ иное;
Все тотъ же я, но я, сталъ существо другое.
Отъ райскихъ мѣстъ однѣхъ къ другимъ перехожу,
Что шагъ, то новыя пріятства нахожу.
Непроницаемой доселѣ покрыты мглою,
Грядущи времена явились предо мною.
Отверзто лоно зрю всемірна бытія;
Въ невѣдомыхъ странахъ паритъ душа моя.
Съ какимъ веселіемъ я встрѣчусь съ существами,
Вновь прерожденными къ блаженству небесами!
Въ нихъ вѣчное родство и дружество найду;
Къ стопамъ предвѣчнаго я съ ними упаду.

"Отецъ! мы братья всѣ, воскликнемъ мы согласно:
"Тобою жить, тебя благодарить всечасно,
"Вотъ наше бытіе, вотъ щастье нашихъ дней!
"За нѣсколько минутъ печальной жизни сей,
"Ты вѣчны радости для насъ уготовляешь;
"Творецъ! сколь щедро чадъ своихъ ты награждаешь.
"Предъ блескомъ горнихъ странъ, гдѣ вѣчный будетъ день,
"Сіянье всѣхъ свѣтилъ единая лишь тѣнь."
Безсмертье! кто твои сокровища опишетъ?
Все въ вѣчности тобой блаженствуетъ и дышетъ.
Но смертнаголь уму, безсмертье постигать?
Мнѣ сердце говоритъ, должно ты насъ пріять.
Ты лучезарный день прострешь на цѣлу вѣчность,
Ты уничтожишь міръ и тлѣнну скоротечность.
Съ какою быстротой блеститъ здѣсь солнца лучь!
Лишь вступимъ въ міръ! и зримъ себя средь мрачныхъ тучь
Въ немъ западъ и восходъ дней нашихъ сопредѣленъ;
Съ отрадой щастія рокъ злобный нераздѣленъ.
Сокрытая болѣзнь здѣсь здравіе людей;
И тѣло и душа подъ тягостью цѣпей
Превратна бытія томятся и страдаютъ;
И добродѣтели блескъ зыблемый являютъ.
Улыбка радости, предвѣстье скорби слезъ.
На землю благость вся ниспосланна съ небесъ,
Вспомоществуетъ намъ влачить лишь грусти бремя.
Мы призракъ естества, блистающій на время!
Чтожъ мы почувствуемъ, когда изъ мглы могилъ,
Въ жилище воспаримъ всемощныхъ горнихъ силъ?
Когда безсмертіе воззритъ къ намъ съ умиленьемъ,
Когда объятые безвѣстнымъ восхищеньемъ
Воскликнемъ: "здѣсь предѣлъ, здѣсь всѣхъ стеченье благъ;
"И мы, мы въ радостныхъ ихъ помѣстимъ сердцахъ."
Какую ощутить должны мы перемѣну,
Когда намъ тлѣнія и мглы гробовъ въ замѣну,
Безсмертна бытія прольется Океанъ!
Когда стеня еще отъ смертоносныхъ ранъ,

И преждебывшихъ дней воспоминая бѣдства,
Мы станемъ чадами безсмертнаго наслѣдства!
Сколь первый лучь блаженствъ насъ долженъ поразить!
Сколь будемъ смерть тогда и гробъ благодарить...
Помедли, царь міровъ! ты знаешь смертныхъ слабость;
Кто можетъ перенесть изъ нихъ столь сильну радость?
Постой, я трепещу, я щастія страшусь,
Которымъ въ областяхъ безсмертья наслаждусь!
И радость и печаль, все смертныхъ угнѣтаетъ.
Но что, что разумъ мой внезапно поражаетъ?
Какія чудеса мой восхищаютъ взглядъ?
Какія новыя свѣтила здѣсь блестятъ?
Міръ нравственный во всемъ величіи явился,
И свѣтъ вещественный отъ тучь освободился,
Которыя нашъ умъ безвѣстіемъ мрачатъ,
Которы сущность намъ познать его претятъ.
Безсмертіе! ты намъ представишь цѣпь обширну,
Объемлющую связь творенія всеміирну;
А днѣсь лишь часть ея нестройную мы зримъ.
Полетомъ быстрымъ я несусь къ странамъ твоимъ!
Уже надъ влагою прозрачнаго Эфира,
Въ пріятномъ вѣяньи кротчайшаго Зефира,
Я зрю теченіе безчисленныхъ міровъ!
Великъ! великъ Господь! великъ Господь вѣковъ!
Какъ свѣтозарный прахъ міры онъ разсыпаетъ;
Воззрѣньемъ ихъ творитъ и словомъ истребляетъ;
Чтобы къ источнику блаженствъ всѣхъ возлетѣть,
Сколь легкій подвигъ намъ... лишь стоитъ умереть!
Какой почувствуемъ восторгъ неизреченный,
Когда согласьемъ ставъ сердечнымъ сопряженны,
Составимъ въ небесахъ семейство мы одно!
Тамъ, тамъ убѣжище всѣмъ существамъ дано,
Которые теперь, какъ странники нещастны,
Скитаются въ мірахъ, страданію подвластны.
Тамъ братіями мы другъ друга назовемъ,
Тамъ нераздѣльное наслѣдіе найдемъ,

Наслѣдье мудрости и радостей нетлѣнныхъ!
Тамъ соучавствуя въ познаньяхъ сокровенныхъ,
Постигнемъ Господа, постигнемъ цѣль всего,
Чертежъ міровъ сравнимъ тамъ съ образцомъ его;
Повсюду встрѣтимъ тамъ Творца напечатлѣнье;
Тамъ будетъ наша жизнь едино восхищенье.
Безсмертье! ты одно блаженство смертнымъ дашь!
Въ мученьяхъ, въ горестяхъ вѣкъ протекаетъ нашъ;
Но въ комъ твой жаръ горитъ, тотъ бѣдствамъ неподвластенъ;
Кто скажетъ, подъ ярмомъ сей рабъ теперь нещастенъ,
Коль завтра долженъ онъ проснуться для вѣнца!
Ужъ зря заранѣе покорныя сердца,
Онъ лучезарной ихъ порфирой осѣняетъ;
И въ сладостныхъ мечтахъ неволю забываетъ.
Другъ добродѣтели, есть здѣсь младый монархъ,
Который въ зрѣлости тронъ приметъ въ небесахъ!
Отъ мыслей сихъ какимъ величіемъ живимся!
Подъ тягостію бѣдъ сколь ею мы крѣпимся!
Ахъ! кто бы безъ нее сталъ жизнь переносить?
Безсмертіе! твой блескъ все долженъ помрачить.
Ты горесть усладишь, и почести насъ льстящи
Ты изтребишь, какъ сны, мечты производящи.
Былинка цѣлый міръ передъ лицемъ твоимъ —
Едва ты осѣнишь покровомъ насъ своимъ,
Предъ красотой твоей все въ мірѣ изтребится,
И взору нашему вселенна такъ явится,
Какъ будтобъ не было ее въ связи міровъ!
Коль благотворна длань изторгнувъ изъ оковъ
Страдальца, въ мрачную темницу заключенна,
(Гдѣ смертоносная отрава водворенна),
Внезапно пренесетъ на высоту горы,
Гдѣ щедра естества блистающи дары,
Очаровательну природу созидаютъ,
И въ сердцѣ бытіе сладчайшѣе вливаютъ;

Какимъ веселіемъ онъ будетъ восхищенъ!
Страдалецъ ставъ въ душѣ своей перерожденъ,
Забудетъ навсегда о горестной неволѣ!
О люди! что же вы познаете въ той долѣ,
Котора васъ въ предѣлъ небесный водворитъ,
Которая съ самимъ васъ Богомъ съединитъ!
Тамъ другъ добра, тамъ сей небесъ Эфирныхъ житель,
Безчисленнымъ мірамъ уставъ дастъ какъ властитель
Речетъ, и шаръ земный стремясь къ его стопамъ,
Бѣгъ скорый совершитъ по облачнымъ зыбямъ,
Движенья своего ему не сообщая.
Тамъ вѣчной сладостью безсмертный духъ питая,
Онъ будетъ чуждъ отъ всѣхъ сношеній съ веществомъ.
Ревущій яростно въ земныхъ предѣлахъ громъ,
Порывы бурь, моря ко облакамъ стремящи,
Перуны, горъ верхи въ единый мигъ разящи,
До слуха тамъ его не будутъ достигать;
Тамъ будетъ божествомъ единымъ онъ дышать.
Разторгнись люта цѣпь, связующа насъ съ міромъ!
Во прахѣ ли земли, подъемлемомъ Зефиромъ,
Великій будемъ мы уничтожать свой санъ,
Коль намъ въ убѣжище чертогъ нетлѣнный данъ?
Друзья! отринемъ ядъ земныхъ очарованій.
Въ юдоли скорби, слезъ, въ обители страданій,
Поработимся ль мы мгновенну бытію,
Коль съ небомъ можемъ мы связать судьбу свою?
Теченье десяти вѣковъ въ умѣ обымемъ,
Съ грядуща времени завѣсу таинствъ снимемъ,
Воззримъ! се человѣкъ! се вѣчныхъ другъ судьбинъ!
Безсмертный образъ нашъ и неба гражданинъ.
Онъ смертныхъ съ будущей ихъ примиритъ судьбою,
Онъ небо съединитъ съ подсолнечной страною.
Такъ! въ мысляхъ бытіе свое мы раздѣлимъ,
Заранѣ часть одну къ безсмертью устремимъ,
Пускай небесна часть земную утѣшаетъ;
Пускай душа въ себѣ беседу ихъ внимаетъ!

Въ себѣ нетлѣнное мы существо найдемъ,
И отъ земли, за нимъ въ край выспренній пойдемъ.
Лорензо! мыслью сей великою гордися,
Стремленія своей гордыни не страшися;
Безсмертный человѣкъ не гордъ, но справедливъ,
Лишь гражданинъ земли вотще собой кичливъ.
Престолы, скипетры явятся сновидѣньемъ,
Когда божественнымъ исполнясь вдохновеньемъ,
Отъ міра дольнаго, въ міръ горній воспаримъ;
Тамъ истинну, а здѣсь мечту величья зримъ.
И чтожe? человѣкъ, рабъ суетныхъ желаній,
Въ безумьи уклонясь отъ вѣчныхъ ожиданій,
За лучь мелькающій превратной жизни сей,
Въ прахъ тлѣнья погрузилъ удѣлъ безсмертныхъ дней.
Онъ позабылъ, что есть для добраго награда,
Что отъ всесильнаго небесъ Владыки взгляда,
Мигъ тьмы вѣковъ и смерть какъ тѣнь изчезнутъ сна.
Чему, чему его здѣсь жизнь покорена?
Улыбка щастія и рока озлобленье,
Суть непреложное ему опредѣленье.
А между тѣмъ, гдѣ жизнь? гдѣ блескъ земныхъ честей?
Гдѣ щастья тронъ? о смерть! во власти все твоей!
Все, все то облекло надгробно покрывало,
Что земнородныхъ умъ и сердце обольщало.
Все смерти быстрота сражаетъ предъ собой.
И такъ, чѣмъ льститься намъ? — лишь вѣчностью одной!
Но кто же чрезъ нее даръ неба получаетъ?
Кто? совѣсть вопроси; — она пусть отвѣчаетъ.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ НОЧИ.

НОЧЬ ШЕСТАЯ.

БЕЗСМЕРТІЕ.

ФИЗИЧЕСКІЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

L'univers est un temple où siege l'Eternel.

VOLTAIRE.

Ф. . . Ф. . . и В. . . И. . .
К. . . МЪ.

По сердцу, по душѣ вы познаете Бога;
И чувствомъ, къ щастью вамъ проложена дорога.
Когда невѣріе, зря зданіе міровъ,
Гласитъ: „Творца имъ нѣтъ!„ тогда, тогда любовь
И щастье вашихъ душъ о Богѣ вамъ вѣщаютъ.
Движенья совѣсти къ нему насъ возвышаютъ.
Хотябы солнца блескъ померкъ на небесахъ:
„Есть Богъ!„ вѣщалъ бы гласъ божественный
въ сердцахъ.

НОЧЬ ШЕСТАЯ.

БЕЗСМЕРТІЕ.

ФИЗИЧЕСКІЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

Все въ вѣрѣ состоитъ; она сошла съ небесъ,
Чтобъ смертный тяготы житейски легче несъ.
Въ десницѣ, будущей, а въ шуйцѣ міръ сей держитъ.
Гдѣ въ хляби мрачныя рокъ гибельный все вержетъ,
Тамъ вѣра чувствіе возноситъ къ небесамъ.
Въ смятенну нашу жизнь, подверженну бѣдамъ,
Которая средь бурь превратности мелькаетъ,
Она божественну въ насъ душу созидаетъ.
О, провидѣніе! подпора нашихъ дней,
Къ безсмертью, въ небеса служащее стезей;
Какъ взоры матери младѣнца утѣшаютъ,
Равно твои дары чадъ праха подкрѣпляютъ.
Безсмертье, вѣра, ты! вы всѣхъ источникъ благъ;
Все гибнетъ, кромѣ васъ, въ ярящихся волнахъ
Пучины, поглотить всечасно насъ грозящей;
Вы льете свѣтъ на жизнь, во мглѣ временъ летящей.
Изчезни бытіе! гласъ вопіетъ страстей;
Гордыня тлѣнная! се вопль мечты твоей.
О жизнь! ты торжество, души ты озаренье!
Чтобъ жить и бытія вкушать усугубленье,

Единственное есть желаніе сердецъ.
Но чѣмъ же быть могу, какъ дней придетъ конецъ?
  Лорензо! устреми въ предѣлъ небесный взгляды,
Зри въ немъ сіяніе нетлѣнныя отрады;
Смотри, какъ благодать блестящею рукой,
Льетъ вѣчны радости повсюда предъ собой!
Смотри, какъ времена во слѣдъ временъ стремятся,
Какъ гибнутъ, и опять столѣтія родятся!
А человѣкъ, сей рабъ мгновенна бытія,
Крѣпится каждый часъ сномъ бренна жизнь чія;
А человѣкъ, среди быстротекуща хода
Вѣковъ и времени; въ предѣлахъ горня свода
Ставъ сопричастникомъ божественныхъ отрадъ,
Путь безконечности тамъ будетъ совершать.
Объятый радостью, восторгомъ, удивленьемъ,
Предвѣчныхъ всѣхъ блаженствъ обогатясь видѣньемъ,
Въ весельи божествомъ единымъ ставъ дышать,
Самъ будетъ божествомъ себя тогда считать.
  И чтожъ? безсмертіе иные чтутъ мечтою!
Къ дню гибели пришедъ трепещущей стопою,
И смерти яростной узрѣвъ отверзтый зѣвъ,
Узнаютъ, что они въ безчувствьи цѣпенѣвъ,
Небесный огнь на мракъ геенскій промѣняли.
Другіе!... и въ тотъ часъ ихъ громы не сражали,
Когда ничтожество въ безумьи возлюбя,
Скотамъ безсмысленнымъ уподобивъ себя,
Отъ Бога, отъ небесъ къ небытію стремились?
Нѣтъ! естьлибъ казнію небесъ они сразились,
Наградою еще то было бы для нихъ;
Геенна въ пропастяхъ ихъ поглотитъ своихъ.
  О ты! двухъ вѣчностей Владыка неизмѣнной,
Изъ коихъ первая изчезла во вселенной
До сотворенья насъ и ангельскихъ умовъ:
Правитель и Творецъ безчисленныхъ міровъ!
Чей взоръ объемлетъ все, кому здѣсь все покорно,
Чіе дыханіе столь міру благотворно;

Ты мнѣ вспомоществуй безсмертье защищать.
Сей несравненный даръ могу ли съ чѣмъ сравнять?
Для добродѣтели онъ жизни сей дороже;
Такъ! такъ! онъ первый даръ любви твоей къ намъ, Боже!
Безвѣріе мечта! се гласъ природы всей.
Изъ пропастей земли, изъ глубины морей
Несется гласъ, его смиряющій строптивость.
Стремяся изъявить безсмертья справедливость,
Природа, разумъ нашъ и сердце вопіютъ;
И сами небеса подпору въ томъ даютъ.
Сей истиннѣ доводъ вездѣ зримъ непреложный:
Другія, безъ нее, всѣ истинны ничтожны.
О смертный! поспѣши въ чертоги естества;
Въ нихъ мудрость вышняго ты встрѣтишь божества.
Взгляни, здѣсь предъ тобой отверста вся природа;
Съ тѣхъ поръ какъ властелинъ превыспренняго свода
Создалъ ее, скажи, изчезло ли что въ ней?
Она въ премѣнности являетъ намъ своей,
Міродержателя десницу неизмѣнну.
Наступитъ часъ, и мракъ нисходитъ на вселенну;
Придетъ чреда, и свѣтъ разсѣетъ темноту;
Свѣтила горнія имѣютъ тужъ чреду.
Земля въ теченіи Эфиръ сопровождаетъ,
И тамъ, и здѣсь все ходъ премѣнный соблюдаетъ.
Взглядъ къ лѣту обрати! въ какихъ оно лучахъ
Сіяетъ средь луговъ, средь нивъ и на поляхъ!
Воззритъ, и скорбный міръ видъ воспріемлетъ новый;
Воззритъ! и зелени блестящіе покровы
Прострутся по полямъ... дохнетъ! и ароматъ
Польется въ воздухѣ. Багряный виноградъ
И класы жатвенны чело его вѣнчаютъ.
Но уже сумраки осенни наступаютъ;
Тускнѣетъ лѣта блескъ, и осени чело
Съ собою блѣдности покровы принесло.
За нею, бурей дщерь, покрыта сѣдинами,
Изъ хладныхъ пропастей, дрожащими стопами,

Зима, влечется въ міръ, неся природѣ смерть.
Но что? опять Борей престалъ въ поляхъ ревѣть,
Опять передъ весной природа улыбнулась,
Къ веселью, къ бытію земля опять проснулась.
На радужныхъ крилахъ весеннихъ вѣтерковъ,
Опять стремятся въ міръ и юность и любовь.
Спѣшатъ! и царствомъ ихъ предѣлы стали міра;
Отъ нихъ ліется жизнь въ дыханіи Зефира:
Спѣшатъ! и пламѣнный отверзло лѣто храмъ;
Все въ новомъ существѣ явилося очамъ.
Все вянетъ, чтобъ разцвѣсть; и колесо всеміpно
Во всѣхъ частяхъ свершивъ теченіе обширно,
Неутомимый путь пріемлетъ свой опять.
Что гибнетъ, новый видъ то все должно пріять.
Повсюду бытіе изъ смерти возрожденно,
Предѣлы наполнять вселенной устремленно,
Въ теченіи своемъ храня размѣръ и вѣсъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ создалъ міръ, всевластный царь небесъ,
Въ немъ ничего его щедрота не отвергла,
И въ лонѣ естества былинка не изчезла.
Се, смертный! знаменье безсмертья твоего;
Заснувъ, ты бытія не тратишь своего.
Душа со естествомъ не сходствуетъ въ единомъ:
Душѣ назначено странъ горнихъ властелиномъ,
Стезею пламенной взноситься къ небесамъ.
Другое, искони подвластно временамъ;
Оно есть цѣпь премѣнъ и въ нихъ свой кругъ свершаетъ.
Гласятъ, что естество безсмертье заключаетъ,
А тлѣненъ смертныхъ духъ: какъ! образъ божества,
Сей царь и властелинъ бездушна естества!
Тотъ, для кого во всемъ должно быть прерожденье,
Уснувъ, тотъ въ вѣчное придетъ оцѣпенѣнье!
Ничтожнѣе зерна, ему служаща въ снѣдь,
Рокъ повелѣлъ ему во тмѣ могилъ истлѣть!
Кто адъ небытія и цѣну жизни знаетъ,
Уже ли тотъ одинъ въ ничтожствѣ изчезаетъ?

Другой въ природѣ есть незыблемый уставъ.
По степенямъ она итти въ началѣ ставъ,
И днесь малѣйшія ихъ точки соблюдаетъ.
Часть кажду цѣлаго съ другою соглашаетъ;
Ни промежутковъ въ ней, ни отдѣленья нѣтъ.
Коль связей скрытыхъ сихъ не видимъ мы примѣтъ,
То зримъ во всемъ союзъ и твердо ихъ устройство.
Здѣсь вещество, еще хранящее спокойство,
Зиждительнаго ждетъ глагола бытія.
Здѣсь зримъ пол-жизни въ немъ: а здѣсь, здѣсь власть твоя
Природа! съ чувствіемъ огонь въ него вселила,
И возницающе тѣмъ существо свершила.
Понятья первый лучь мы въ безсловесныхъ зримъ,
То слабая заря, пришествіемъ своимъ
Предзнаменующа понятья день яснѣйшій.
Но что же? и сей день есть свѣтъ еще малѣйшій,
Блестяща разума, безплотныхъ тѣхъ духовъ,
Которые престолъ хранятъ царя міровъ.
Льзяль лѣствицѣ земной въ тѣ досягнуть предѣлы?
Но какъ отринуть намъ, что мы составъ суть цѣлый,
Который тлѣнну часть съ нетлѣнной совмѣстилъ?
Нашъ умъ отвергнувъ то, рушителемъ бы былъ
Союза, небеса связующа съ землею.
О смерть! безвѣрья духъ условившись съ тобою,
Отъ гласа естества слухъ уклоняя свой,
Свѣтъ разумѣнія единой чтитъ мечтой.
Онъ образъ божества въ себѣ уничижаетъ,
Безсмертье, вѣчность, все въ прахъ тлѣнья погружаетъ.
Посмотримъ истинной мудрецъ то ль говоритъ:
"Пускай, вѣщаетъ онъ, всесильныи повелитъ,
"Чтобы весь міръ земной во прахъ преобратился,
"Чтобы паденьемъ я небесъ обременился;
"Я знаю, что душа останется моя.
"Изъ подъ развалинъ всѣхъ міровъ возникну я!"
Лорензо! воснесись ко облакамъ со мною;
Суди, какою тотъ одушевленъ душою,

Кто властію своей міръ дольній премѣнилъ;
Гдѣ онъ безсмертіемъ шагъ каждый озарилъ.
Какія чудеса твоимъ предстанутъ взглядамъ!
Здѣсь человѣкъ велитъ быть велелѣпнымъ градамъ;
И грады къ небесамъ верхи свои стремятъ!
Здѣсь, чрезъ обширныя пучины водъ, летятъ
Суда, смиряющи и волнъ и вѣтровъ ярость!
Тамъ каменныхъ громадъ онъ подвигаетъ тягость.
Восхочетъ! гдѣ цѣпь горъ? гдѣ глубина долинъ?
Ихъ нѣтъ! едва шагнулъ сей мощный исполинъ.
Смотри! уже къ странамъ онъ воспарилъ воздушнымъ!
Смотри! пучинамъ двумъ, уму его послушнымъ,
Въ стесненныхъ онъ брегахъ теченье предписалъ:
Онъ мыслей всѣхъ міровъ движеніе объялъ!
  О смертный! сколь великъ ты въ мірѣ чудесами!
Ты возвеличился безсмертными дѣлами.
Но все, что на землѣ создать ты къ славѣ могъ,
Вѣрь, все то превзойдетъ, твой о нещастномъ вздохъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ НОЧИ.

НОЧЬ СЕДЬМАЯ.

БЕЗСМЕРТІЕ,

УТВЕРЖДАЕМОЕ НРАВСТВЕННОЮ СУЩНОСТІЮ ЧЕЛОВѢКА.

Grofs ist der tod des mannes, der für die sache des vaterlandes fiel.

Dusch.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

къ

СЕДЬМОЙ НОЧИ.

Въ слѣдующей Ночи, сохранивъ главную Юнгову мысль, во всѣхъ другихъ подробностяхъ слѣдовалъ я собственному воображенію. Переводя съ подлинника, я былъ бы обязанъ передавать каждое выраженіе автора и не осмѣлился бы отъ него отступить. Но я пользуюсь только прозою Ле Турнера; а уже давно признано лучшими знатоками словесности, что никакой переводъ въ прозѣ твореній великаго поэта, не можетъ сохранить всей силы выраженія и сладкогласія, сихъ отличительныхъ одушевленій поэзіи. Преложеніе съ подлинника, въ которомъ по словамъ Ла Гарпа переводчикъ борется съ талантомъ и слогомъ творца, требуетъ такой же степени изобрѣтательной силы и чувства, какая нужна была и для самаго сочинителя. Слѣдственно тогда переводчикъ имѣетъ сугубую обязанность: онъ отвѣчаетъ не только за силу, но и за точность выраженія, чему я не могу быть причастенъ, ибо я подражаю, а не перевожу.

Присовокуплю еще, что Платонъ многіе разговоры свои выдалъ подъ именемъ Сократа, еще при жизни сего философа. Но все это не оправдаетъ меня, естьли читатели не найдутъ въ сей Ночи, хотя нѣкоторыхъ слѣдовъ Юнговой кисти.

НОЧЬ СЕДЬМАЯ.

БЕЗСМЕРТІЕ,

УТВЕРЖДАЕМОЕ НРАВСТВЕННОЮ СУЩНОСТІЮ ЧЕЛОВѢКА.

Нѣтъ! ты не умиралъ, безсмертный Ломоносовъ!
Въ твореніяхъ своихъ къ хвалѣ и славѣ Россовъ,
Ты все еще живешь! отечества отцы,
Которы благостью украсили вѣнцы
Владиміръ, Александръ и ты кѣмъ Донъ прославленъ,
Кѣмъ отъ тьмочисленныхъ нашъ край враговъ избавленъ!
И ты, премудростью сіающа жена,
Кѣмъ вѣры первая въ немъ вѣтвь возращена;
Изъ мрака времени, изъ нѣдръ могилъ печальныхъ,
Еще вы славою въ странахъ гремите дальныхъ;
И нову жизнь у насъ пріемлете въ сердцахъ.
Такъ! въ смертныхъ человѣкъ сокрывшися тѣняхъ,
Изходитъ, вѣчности сіяньемъ озаренный.
Ему два жребія судьбой опредѣленны:
Шагъ въ міръ, а въ небеса безсмертный переходъ;
Тамъ жизни день его, а здѣсь одинъ восходъ:
Здѣсь жизнь, есть къ гробу путь, для взора непримѣтный,
А тамъ, тамъ бытія сіяетъ плодъ безсмертный.
О совѣсть! стражъ людей, вѣщатель божества,
Сильнѣе цѣлаго гласишь ты естества,

Что во вселенной есть премудрое начало,
Что въ ней съ намѣреньемъ оно все созидало;
Что искра въ насъ горитъ небеснаго Творца;
О совѣсть! ты вездѣ влечешь къ нему сердца.
И тамъ, гдѣ человѣкъ мечтамъ порабощеный,
Чтитъ идолы, его рукою сотворенны:
И тамъ, ты учишь быть супругомъ и отцомъ,
И тамъ ты смертнаго ведешь добра путемъ.
Кумировъ рабъ, твоимъ внимая вдохновеньямъ,
Ко благороднѣйшимъ способенъ побужденьямъ:
Зря горесть ближняго, объ немъ онъ слезы льетъ.
Когда мучительства ярмо его гнететъ,
Онъ взоры къ небесамъ слезящіе возводитъ,
Не зная ихъ Творца, отраду въ немъ находитъ.
Ты міра странникамъ, средь мрачныхъ ихъ путей,
Имъ служишь къ щастію и къ небесамъ стезей.
Предвѣчный! разогнавъ Хаоса мракъ сгущенной
Для велелѣпія и бытія вселенной,
Въ лазурныхъ областяхъ свѣтило дня возжегъ:
Безчисленныхъ міровъ ему подвластенъ бѣгъ.
Предъ нимъ трепещетъ мгла, въ земныя кроясь бездны;
Имъ величается и горній сводъ небесный!
Ахъ! сколь прелестнѣйше онъ намъ сіянье далъ:
Творецъ! ты въ совѣсть огнь свой вѣчный изліялъ,
Свой вѣчный огнь! и огнь сей можетъ затмѣваться?
И могутъ отъ него народы уклоняться?
Какой, какой объялъ ужасный мракъ его!
Не внемлетъ голоса и Бога самаго,
Держава цѣлая безумьемъ ослѣпленна! (1).
Не жаромъ ли она геенскимъ воспаленна?
Творецъ! гдѣ олтари священные твои?
Въ прахъ, въ прахъ повергнуты неистовствомъ они.
Гдѣ храмы, къ небесамъ верхи свои взносящи?
Гдѣ, гдѣ святители, обитель ихъ хранящи?
Гдѣ вѣра? гдѣ законъ, гдѣ самъ ты царь небесъ?
Ахъ! въ чьихъ ты жилъ сердцахъ, ты въ тѣхъ сердцахъ изчезъ!

"Нѣтъ Бога! жизнь есть сонъ! душа есть дуновенье,
"Такъ преходящая, какъ паръ, въ одно мгновенье.
"Разсудокъ смертныхъ все (2): хотя и онъ лишь тлѣнъ,
"Но Богъ имъ на землѣ быть долженъ замѣненъ."
Взревѣли изверги — ихъ царство учредилось (3)!
Имъ помощь подавать злодѣйство утомилось.
Тамъ вихремъ пламеннымъ объяты города;
Самъ адъ на нихъ отверзъ губительны уста.
О ужасъ! люди ли противъ людей возстали?
Не смерти ль вѣстники тамъ съ казнями предстали,
На все вооружась, все алча поглотить!
Умѣли изверги Геенну удивить.
Во слѣдъ ударамъ ихъ и смерть не поспѣшаетъ.
Едва здѣсь тысяча нещастныхъ упадаетъ,
Другіе тысячи плывутъ въ крови своей?
Довольны ль изверги? нѣтъ, обща смерть людей
Едвали утолитъ ихъ злость неизреченну (4).
Завѣсу ужаса я зрю распространенну
На царство цѣлое, гдѣ смерть воздвигла тронъ.
Гдѣ правоты твоей, великій Богъ, законъ?
Гдѣ власть руки твоей? отецъ! гдѣ къ чадамъ благость?
Ихъ кровожаждуща пожрать стремится ярость;
И твой Перунъ молчитъ! но что я зрю еще?
Безъ Бога изверги мечтали жить вотще.
Ихъ вождь, вождь Тартара, длань къ небесамъ возноситъ,
И жертву существу верховному приноситъ (5).
Возсталъ всесильный Богъ, едва тирана длань,
Ему кровавую принесть хотѣла дань.
Есть Богъ! — тирана нѣтъ! — гдѣ исполинъ сей лютый?
Крѣпился годы онъ, а ходъ одной минуты
Его низвергъ во адъ! тамъ память дѣлъ его,
Во образъ претворясь тирана самаго,
Тамъ имъ самимъ, его всечасно поражаетъ,
И вѣчностію мукъ его въ томъ увѣряетъ,
Что есть безсмертіе, есть правота небесъ,
Что Фуріями гробъ его стрежется здѣсь;

И что все съ именемъ его то сопряженно,
Что міру въ пагубу Геенной сотворенно.
Все, все глаголъ временъ потомству возвѣститъ:
Злодѣй, проклятія людей не избѣжитъ,
А добродѣтельный благословится въ мірѣ.
Безсмертіе, въ златой сіяюще порфирѣ,
Незыблемый престолъ воздвигло въ небесахъ.
Кругъ всѣхъ міровъ въ его свершается очахъ;
У ногъ его временъ пучина быстра льется,
И въ вѣчность гласъ его властительный несется.
На адскихъ извергов проклятья мещетъ громъ,
А добрыхъ, къ вѣчности блистающимъ путемъ,
Въ наслѣдственную имъ ведетъ оно обитель,
Гдѣ страждущихъ живетъ отецъ и утѣшитель.
А естьлибъ для земли мы только жизнь вели,
Когдабъ къ ничтожеству путемъ ея текли!
Тогдабъ... какая кисть возможетъ то представить,
Что Бога вѣчное отсутствіе доставитъ
Обители людей! такъ! бури тѣхъ временъ,
Когда въ волненіи ужасныхъ перемѣнъ,
И Бога и законъ и все уничтожали;
Тѣ бури слабый видъ еще бъ изображали,
Предъ тѣмъ, что смертныхъ родъ тогдабы ощутилъ,
Когдабъ о Богѣ мысль онъ вовсе истребилъ?
Злодѣй, позоромъ дѣлъ своихъ обременяясь,
И блеска истинны небесной устрашаясь,
Готовъ въ небытіе жизнь смрадну погрузить;
А другъ добра, однимъ безсмертьемъ хочетъ жить.
Куда, Пожарской ты, куда съ одра стремишься?
Ещели мало ты отъ ранъ своихъ томишься?
Страшись! Заруцкіе тебѣ сплетаютъ ковъ!
Ужели для тебя къ отечеству любовь
Дороже дней твоихъ? не лучшели въ покоѣ
Отраду жизнь вести, чѣмъ въ кроволитномъ боѣ
Встрѣчаться съ смертію и жертвовать собой?
"Чтобъ я, вѣщаешь ты: чтобъ я вкусилъ покой?

"Когда отечество въ смущенной вижу долѣ?
"Мнѣ! чуждаго царя на Росскомъ зрѣть престолѣ!
"Долгъ Росса — умирать, коль смертію своей,
"Коль кратковременныхъ утратою онъ дней,
"Соотчичамъ своимъ дни мирные доставитъ.
"Въ сердцахъ ихъ о себѣ онъ памятникъ оставитъ."
Герой! ты самъ предрекъ безсмертіе свое!
Сильнѣй доводовъ всѣхъ предчувствіе твое,
Предчувствіе, что жизнь героя не погибнетъ,
Что въ вѣчности себѣ онъ памятникъ воздвигнетъ;
Что славы громъ его распространитъ дѣла,
Что будетъ для тебя лестнѣйшая хвала,
О имени твоемъ, одно напоминанье.
Герой! исполнилось души твоей желанье!
Твой только въ гробѣ прахъ, твой духъ на небесахъ,
А память о тебѣ живетъ во всѣхъ сердцахъ.
Не только въ небесахъ и здѣсь есть награжденье (6),
Тому, кто чувствуя судьбины пораженье,
Длань утѣшительну безсмертья лобызалъ;
Кто твердости примѣръ собою подавалъ;
Примѣръ, какъ другомъ быть добру нелицемѣрнымъ,
Царю, отечеству и Богу сыномъ вѣрнымъ,..
Кто былъ щастливѣе, и кто славнѣй въ вѣкахъ,
Отрепьевъ ли въ вѣнцѣ, иль Филаретъ въ цѣпяхъ?
Наполнить душу здѣсь, ничто, ничто не можетъ!
Желанье тайное въ насъ сердце вѣчно гложетъ.
Всѣхъ благъ мірскихъ соборъ не насыщаетъ мысль.
Движенья, человѣкъ, страстей своихъ изчисль,
Увидишь, что для нихъ предѣла нѣтъ на свѣтѣ.
О Кесарь! десять лѣтъ ты тронъ имѣлъ въ предметѣ,
И лишь его достигъ, лишь міръ узрѣлъ у ногъ,
Воскликнулъ: "какъ желать такой мечты я могъ!"
Такъ! въ мірѣ не мечта едина добродѣтель!
Въ сіяньи пышности, обширныхъ странъ владѣтель,
Среди златыхъ чертогъ, гдѣ нѣги пышный тронъ;
Подобно пастуху, пускаетъ тяжкой стонъ.

Одинъ на лонѣ всѣхъ увеселеній страждетъ,
Имѣя все, еще отрады новой жаждетъ;
Другой нашедъ все то, чѣмъ щастливъ селянинъ,
Пріявъ отъ благости природы и судбинъ
Довольство, съ жатвою на нивахъ восходяще,
За ввѣренный залогъ сторицей приносяще:
Питаясь ласками супруги и дѣтей;
Еще желаніемъ смущенъ въ душѣ своей.
Сіе всечасное и общее грызенье,
Есть велегласное для смертныхъ извѣщенье:
Что кромѣ сей земли, есть въ небесахъ предѣлъ,
Въ которой царь міровъ стремиться намъ велѣлъ.
Но чтожъ порукой въ томъ, что человѣкъ безсмертенъ,
И въ томъ, что онъ въ дѣлахъ своихъ не безотвѣтенъ?
Что? — правосудіе, величіе Творца,
Въ комъ злоба судію, а благость зритъ отца.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ НОЧИ.

ПРИМѢЧАНІЯ
КЪ
СЕДЬМОЙ НОЧИ.

1). Держава цѣлая безумьемъ ослѣпленна ...

Преобразованіе Французской державы представляетъ обширное поле разсужденій для политиковъ всѣхъ вѣковъ; обозрѣвающій ее въ нравственномъ отношеніи, спроситъ только: какъ лучшіе и просвѣщеннѣйшіе умы могли мечтать о невозможномъ, какъ думали они, что умозрительныя ихъ начертанія, замѣнятъ основанія существенныя? здравый смыслъ говоритъ: желая перестроить свой домъ, обдумай заблаговременно, прочнѣе ли онъ будетъ прежняго, и запасись нужными веществами, или лучшій чертежъ тебѣ ни къ чему не послужитъ. Вотъ чему подверглись философы осьмаго-надесять вѣка. Разрушая старое зданіе, они не заботились о томъ, какъ и когда выстроется новое. Ни веспоримо, что ни Волтеръ, ни Руссо, ни Д'Аламбертъ и ни одинъ изъ истинныхъ ихъ послѣдователей, не желали ни кровопролитія, ни опустошенія цвѣтущихъ областей своего отечества; но они воротили съ корня все то, что освящено было временемъ, обычаемъ и мнѣніемъ; то есть всѣмъ тѣмъ, что сильнѣе всего господствуетъ надъ людьми. "Чтите свято древніе законы и "обыкновенія, повторялъ неоднократно Императоръ Юліанъ, и "тогда только перемѣняйте ихъ, когда потребуетъ того не "сомнѣнная и величайшая польза общественная."

2). Разсудокъ смертныхъ все. . . . .

Извѣстно, что на развалинахъ обителей вѣры, неистовое безуміе сооружало храмы разсудку.

3). Взревѣли изверги, ихъ царство учредилось...

Я приведу изъ Ла Гарповой Лицеи разительное описаніе владычества ихъ.

"Опустошители земли, Атилы, Жанжерики, сіи вожди кочующихъ скопищъ, порабощая страны и истребляя ихъ жителей,

влекли съ собою ужасъ и разрушенiе, ему сопутствующее; но въ первой разъ узаконили ужасъ. Собранiе законодавцевъ, сперва терзаемое и увѣченное извѣргами, а потомъ повергенное ими въ оцѣпенѣнiе, опредѣлило оный для двадцати пяти милiоновъ народа, потому что ужасъ обиталъ въ нѣдрахъ его: да будетъ не забвенъ сей достопамятный урокъ! Отъ сего страшнаго гласа, тысячу разъ въ день повторяемаго во всѣхъ предѣлахъ Францiи, восторжествовало повсюду безпреградное неистовство и возстѣнала безпристанищная невинность! тогда все было злодѣйствомъ, кромѣ злодѣянiя... наконецъ мстительный гласъ истинны, долго безмолвствовавшiй подъ острiемъ смерти, изшелъ внезапно не изъ гробовъ, нѣтъ! (ихъ не доставало для жертвъ и въ смертныя тѣни преслѣдуемыя мучительствомъ!) не изъ гробовъ, повторяю я, но изъ глубины пространныхъ ямъ, наполненныхъ истерзанными и трепещущими трупами, изъ смрада темницъ, изъ рѣкъ, запруженныхъ сгустившеюся въ нихъ кровiю; изъ камней нашихъ площадей, ознаменованныхъ слѣдами убiйства, изъ праха низверженныхъ и сожженныхъ городовъ; изъ развалинъ обширныхъ разрушенiй, поглощавшихъ нищету и великолѣпiе: словомъ, изъ всѣхъ памятниковъ губительной ярости, дотолѣ безпримѣрной и невоображаемой, возносится, гремитъ и раздается, умножаясь повсемѣстно въ продолжительныхъ и плачевныхъ отзывахъ гласъ, гласъ стѣнящiй и страшный человѣчества страждущаго и раздираемаго; гласъ, стесняющiй сердца, оледѣняющiй кровь, проницающiй въ жилы, пытающiй душу; гласъ, непрестанно вопiющiй о мщенiи къ небесамъ, ко вселенной, къ грядущимъ столѣтiямъ, и оставляющiй въ сердце добродѣтельнаго человѣка неутѣшную скорбь о томъ что онъ жилъ!"

4). . . . . Нѣтъ! обща смерть людей,
Едвали утолитъ ихъ злость неизреченну.

Краткiя, но ужасныя изреченiя Сен-Жюста, Коло-д'Ербуа и Роберспьера изъявятъ, что умышляло сонмище извероговъ.

Сен-Жюстъ. На всеобщемъ разрушенiи вознесемъ новую державу.

Коло-д'Ербуа. Корабль революцiи долженъ приплыть къ пристани кровавымъ Океаномъ.

Роберспьеръ. Чѣмъ свободнѣе физическое тѣло можетъ испаряться, тѣмъ оно здоровѣе. И такъ, чтобъ доставить Франціи золотой вѣкъ, оставимъ въ ней только десять миліоновъ.

Присовокупимъ еще нѣсколько словъ Маратовыхъ, которой говорилъ, что онъ лютъ по расчетамъ человѣколюбія, cruel par calcul d'humanité.

"Никогда, никогда, воліялъ онъ: революціонная машина не получитъ настоящаго хода, естьли правосудіе народа не удовлетворится казнію двухъ сотъ тысячь злодѣевъ."

(5). И жертву существу верховному приноситъ.

Взирая на разрушеніе городовъ, на тысячи жертвъ, яростію его пожираемыхъ, Роберспьеръ содрогнулся, не отъ угрызенія совѣсти; (гласъ совѣсти былъ бы для Роберспьера наградой) но отъ безпредѣльнаго своевольства, въ которое повергъ онъ миліоны народа, уничтоживъ исповѣданіе Бога и безсмертія души. Чья длань поддержитъ его на вышней степени власти? кто обуздаетъ народъ, остервененный безначаліемъ? кто? ... Роберспьеръ орудіемъ къ тому хотѣлъ употребить ***Верховное существо!***

Вотъ какъ сіе происходило. — День 31 Маія, въ которой Гора льстилась восторжествовать совершенно надъ ***Жирондистами*** *и заграбить все могущество, поработилъ и Гору и конвентъ игу Парижской думы, управляемой нѣсколькими неистовыми народоласкателями, которые почитали безбожіе главнымъ средствомъ къ господству надъ народомъ. Гдѣ отнятъ страхъ къ Богу, что значитъ тамъ власть людей и законовъ?*

Убіеніе неприсяжныхъ духовныхъ, уничтоженіе исповѣданія, существовавшаго четырнадцать вѣковъ, учрежденіе храмовъ Разсудку, обѣщаніе земнаго рая; доставили буйственнымъ вождямъ безначалія безпредѣльную власть: сколище Горы отъ нихъ вострепетало; злодѣяніе устрашилось злодѣйства!

Въ сихъ обстоятельствахъ ощутили, что ***Богъ необходимъ.*** *Казнивъ Шомета, Геберта и Дантона, Роберспьеръ первый предложилъ* ***возобновить*** *Бога, не подъ прежнимъ названіемъ, но подъ именемъ* ***Верховнаго существа...***

Сїе празднество совершилось весною: Роберспьеръ онымъ управлялъ. Тщетно льстился онъ обмануть небо: Богъ, сокрываемый имъ подъ названїемъ Верховнаго Существа; *Богъ всевластно возгремѣлъ въ казни изверга. Роберспьеръ, спадая постепенно съ высоты могущества своего, поразился недоумѣнїемъ, симъ первымъ знаменїемъ правосудїя небесъ. Алча убїйства и страшась кровопїйствовать, вопїялъ онъ къ сообщникамъ своимъ; "вы не смѣете ни на что рѣшиться, вы жаждете только крови! "вы заставляете гнушаться свободою; я не хочу быть съ вами."*

День девятаго Термидора освободилъ Францїю отъ Роберспьера. Въ ту минуту, когда влекли его на казнь, произнесено было сїе достопамятное слово: "Роберспьеръ! есть Верховное существо!"

(6). Не только въ небесахъ и здѣсь есть награжденье. . .

Кто не ожидаетъ отъ Бога ни казни, ни возмѣздїя, тотъ есть истинный безбожникъ. Къ чему бы служило бытїе Творца, вовсе безвластнаго надъ нами? тогда былъ бы я самъ моимъ Богомъ; тогда при первомъ удобномъ случаѣ, принесъ бы я вселенную въ жертву моихъ прихотей; тогда думалъ бы я только о себѣ. Для овецъ былъ бы я волкомъ, для куръ лисицей.

Положимъ, что нѣкоторое общество богатыхъ людей, отвергнувъ Бога и управляясь одними законами чести и благочинїя, могло бы жить миролюбиво; но безбожникъ неимущїй, былъ бы весьма глупъ, естьлибъ для выгодъ своихъ не грабилъ и не убивалъ. Съ той минуты расторглись бы всѣ связи; пучина тайныхъ злодѣянїй объяла бы землю; чернь превратилась бы въ толпу убїйцъ; тогда каждый день ознаменовался бы новыми злодѣйствами; тогда, кто остановилъ бы силу и неистовство? (кажется, что Вольтеръ предрекъ въ сихъ словахъ всѣ ужасы революцїи). "И такъ признанїе Бога, наградителя добрыхъ и карателя злодѣевъ; Бога, прощающаго слабостямъ, есть полѣзнѣйшая и необходимѣйшая вѣра для рода человѣческаго: она одна обуздываетъ силу и противится сокровенному злодѣйству. Словомъ: она есть душа и благоденствїе обществъ." Voltaire, Histoire de Jenni.

Никогда не является въ такомъ торжествѣ надежда на Бога и

безсмертїе, какъ въ то время, когда гонимое человѣчество лишается всей подпоры на землѣ! Французская революцїя представляетъ тому тысячу примѣровъ. Изъ числа оныхъ приведу я слова Иснардовы, которой, уклоняясь казни, скрывался въ мрачнѣйшихъ убѣжищахъ, не смѣя приближиться и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ страждущая жена и дѣти его уже можетъ быть оплакивали его смерть!

"Приговоръ, пишетъ онъ, осудившїй меня къ смерти, перенесъ меня за предѣлъ бѣдственныхъ дней и водворилъ въ новое и существенное бытїе. Казалось, что злополучїе заставило меня остановиться на пути жизни и оглянуться на себя. Какїя неизъяснимыя отрады доставляли мнѣ сїе молчанїе, сїе углубленїе въ самаго себя, сїе непрерывное обладанїе мыслями моими, сїе отчужденїе земли, сїе отдалѣнїе отъ поприща, гдѣ свирѣпствовало кровавое безумїе людей... каждый день около трехъ часовъ прогуливался я въ саду. Съ какимъ восхищенїемъ парилъ разумъ мой къ звѣздному своду! сколь величественна сїя вѣчно-отверстая надъ нами книга, въ которой каждая буква есть свѣтило, блестящее въ Эфирѣ! сколь щастливъ тотъ, кто можетъ въ ней читать то, что представлялось мнѣ въ пламенныхъ и солнечныхъ начертанїяхъ: существованїе Бога! безсмертїе души! необходимость добродѣтели!"

Слова, произнесенныя Жиреемъ Дюле за минуту до казни его, столь же достопамятны и утѣшительны для страждущей невинности.

"Здѣсь, воскликнулъ онъ приближась къ эшафоту, здѣсь друзья мои увѣнчались славною смертїю. Милыя тѣни! съ вами соединюсь я въ нѣдрахъ безсмертїя."

НОЧЬ ОСЬМАЯ.

УНИЧТОЖЕНІЕ.

Toutes choses sont sorties du néant, et portées jusqu'à l'infini; qui peut suivre ces étonnantes démarches? L'auteur de ces merveilles les comprend; nul autre ne le peut faire.

PASCAL.

Nous ne vivons jamais, nous attendons la vie.

VOLTAIRE.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

КЪ

ОСЬМОЙ НОЧИ.

Законы человѣческіе назначаютѣ казнь убійцамѣ и грабителямѣ; какая же казнь должна поражать безумцевѣ, алчущихѣ отнять у людей надежду на провидѣніе и безсмертіе? нѣтѣ! законы политическіе для того недостаточны: безмолвіе ихѣ вѣ семѣ случаѣ знаменуетѣ мудрость ихѣ учредителей. Лютѣйшая казнь проповѣдниковѣ безбожія и уничтоженія души заключается вѣ ихѣ душахѣ. Природа, вѣ каждомѣ измѣненіи своемѣ являющая благость и величіе Творца; природа мертва для сердецѣ ихѣ, а Богѣ, кажется имѣ мучителемѣ, подобнымѣ Восточнымѣ тиранамѣ:

"Недосягаемымѣ ни чьимѣ изѣ смертныхѣ окомѣ."

Сколь разительно и сколь ужасно описалѣ Юнгѣ скорбь и отчаяніе сихѣ враговѣ человѣчества, или лучше сказать самихѣ себя!

Отрицатели провидѣнія небесъ и безсмертія души, восклицаютъ: „гдѣ часто „страждетъ добродѣтель, гдѣ блаженст-„вуетъ щастливое злодѣйство, тамъ нѣтъ „Бога, нѣтъ промысла его.“

Но чѣмъ убѣдятъ они, что торжествующее злодѣйство, было когда либо щастливѣе угнѣтенной невинности? чѣмъ подтвердятъ они доводы свои? примѣромъ ли Тиверія, которой на островѣ Капреѣ, изнемогая подъ бременемъ всѣхъ вожделѣній, писалъ къ Римскимъ сенаторамъ: „я „не знаю, что сказать и что писать къ „вамъ; клянусь вамъ въ томъ богами и „богинями, которыхъ непреклонный гнѣвъ, „каждый день истощаетъ болѣе жизнь „мою?“ Примѣромъ ли Кромвеля, которой тщетно хотѣлъ укрыться отъ самаго себя въ чертогахъ казненнаго имъ монарха? Наконецъ примѣромъ ли Роберспьера, совокупившаго въ лицѣ своемъ, можетъ быть, неистовства всѣхъ предшествовавшихъ ему изверговъ? „пусть тѣни убіен-„ныхъ отцевъ, женъ и дѣтей нашихъ, „сопутствуютъ тебѣ въ адъ!“ восклицало сонмище, сопровождавшее его къ эшафоту; и сей гласъ, конечно тысячу разъ повторялся въ сердцѣ его во дни мнимаго его благоденствія.

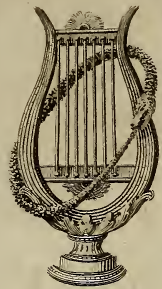
Смѣло скажу, что всѣ утверждавшіе, будто бы злодѣяніе можетъ быть щастливо, въ ту же почти минуту опровергали себя. Примѣръ сему противорѣчію приведемъ изъ Вольтера.

Въ Опытѣ о нравахъ народовъ, говоритъ онъ: "отцеубійца Оранзебъ, Кромвель, "хищникъ престола злополучнаго Карла, "жили и умерли спокойно. Такъ! вселен-"ная есть обширный вертепъ разбоя и "злодѣйства, отданный на произволъ слѣ-"паго рока!" Посмотримъ же, какъ изъясняется онъ въ повѣсти своей Женни или безбожникъ, опровергая Биртона въ лицѣ Фрейнда.

"Скажите, господинъ Биртонъ, какое "зло причинитъ вамъ и друзьямъ вашимъ, "признаніе Бога и добродѣтели? Вспом-"ните, какъ ужасно умираетъ въ Шек-"спировой трагедіи Рихардъ III. Сколь "возмущается его воображеніе тѣнями убі-"енныхъ имъ жертвъ! вспомните какъ "умеръ Карлъ IX. послѣ Варѳоломѣевой "ночи. Тщетно утѣшаютъ его; кровь те-"четъ изъ всѣхъ его жилъ, и вся проли-"тая имъ кровь, вопіетъ: да отмстятъ "за нее небеса! Такъ! всѣ изверги чело-"вѣчества казнились угрызеніями совѣсти "и умирали въ изступленіи и отчаяніи."

И такъ, при семъ явственномъ противорѣчіи, заключимъ предисловіе сіе Вольтеровымъ же стихомъ:

"La vérité du ciel, l'erreur vient de la terre."

ГАВРИЛѢ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ

„Державинъ! жребій свой ты самъ предрекъ умѣлъ: (*)
Безвѣстія мракъ однѣхъ лишь мелкихъ душъ удѣлъ.
Все, все изчезнетъ то, что поражаетъ зрѣнье!
Но истинный талантъ, какъ солнца озаренье
Для сердца, для ума, во тьмѣ временъ блеститъ!
Нѣтъ Дивъ! а Пиндара безсмертный гласъ гремитъ!
Гремитъ изъ вѣка въ вѣкъ и сердцу повторяетъ:
„Что чувствіе души въ душахъ не умираетъ.“

(*) Стихи къ N. на смерть Графини М. А. Румянцовой.

НОЧЬ ОСЬМАЯ.

УНИЧТОЖЕНІЕ.

Положимъ, что мечта на вѣчность упованье;
Но сколь спасительно для насъ сіе мечтанье!
Мечта сія былабъ пріятнѣй истиннъ всѣхъ.
Она одна виной сладчайшихъ тѣхъ утѣхъ,
Которы отъ земли насъ въ небо преселяютъ,
Которы жизнь сію преддвѣріемъ являютъ
Грядущихъ вѣчныхъ дней! Коль ихъ мы раздѣлимъ,
Мы нашу жизнь себѣ въ казнь люту претворимъ.
Такъ! естьли мнѣ удѣлъ одно уничтоженье,
То сколь ужасное, сколь лютое мученье
Должно объять мое нещастно бытіе!
Я ужасаюся! . . . ахъ! чувствіе мое
Отъ хлада смертнаго заранѣ цѣпенѣетъ;
Въ лазурныхъ областяхъ свѣтъ солнечный темнѣетъ:
Земля обитель мукъ, и ты, Творецъ всего!
Существованія причина моего:
Гласъ, гласъ отчаянья въ сей часъ услышь те смертныхъ.
Подъ бременемъ тоски, средь горестей несмѣтныхъ,
Надеждой будущихъ я подкрѣплялся дней;
И будущее то, есть адъ душѣ моей!
Оно ничтожествомъ однимъ мнѣ угрожаетъ,
А настоящее къ нему приготовляетъ.

Какой я міръ творилъ въ мечтаніяхъ моихъ!
О вѣчность! уже я парилъ въ странахъ твоихъ;
Надежда мнѣ чертогъ безсмертья отверзала,
Отъ міра скорбнаго, въ міръ райскій провождала...
И вдругъ, и вдругъ моихъ мечтаній сонъ изчезъ!
Увы! проснулся я для мукъ, для вѣчныхъ слезъ.
Мысль кажда, остріе мнѣ въ грудь теперь вонзаетъ;
Лютѣйшей ночи мракъ вселенну облекаетъ.
Въ сей глубочайшей тмѣ скитаяся одинъ,
Влачу всю тяготу мучительныхъ судбинъ.
Почто родился я, коль послѣ жизни слезной,
Небытіе! твоей я поглощуся бездной?
О жизнь! я благостью тебя небесной чтилъ,
А Богъ, а Богъ ее, мнѣ въ казнь опредѣлилъ!
Ученье, отврати отъ глазъ моихъ зерцало,
Въ которомъ свѣтъ ума ты мнѣ изображало.
Сокройся, не являй меня моимъ очамъ!
Почто мнѣ знать себя, коль лучь разсудка намъ
Показываетъ путь уничтоженья въ бездну?
Какъ восхищался я, паря въ страну небесну!
Я мнилъ, что въ образѣ всесильнаго Творца,
Я тамъ нѣжнѣйшаго найду для насъ отца.
Взносясь къ нему, я вскрыть желалъ покровъ священный,
По свѣтлому челу отца разпространенный:
И чтожъ? ахъ! не отца, тирана я узрѣлъ!
Владѣя щастьемъ самъ, онъ скорбь намъ далъ въ удѣлъ.
Онъ самъ пучину благъ и радостей вкушаетъ,
А насъ, насъ къ тягостной онъ жизни осуждаетъ.
Онъ всемогущъ, онъ зритъ страданія мои,
И взоры лютые тѣмъ веселитъ свои.
О ночь! сгусти свой мракъ, скрой отъ меня вселенну,
Тирана злобнаго ярму порабощенну:
Пусть болѣе моей онъ мысли не страшитъ.
Сперва, въ немъ благости единой зрѣлъ я видъ,
А днесь!... могуль терпѣть Творца уничтоженья,
Возсѣдшаго на тронъ для обща разрушенья.

Мнѣ! устремлять мой взоръ въ предѣлы естества!
Мнѣ! зрѣть мучителя средь пышна торжества!
Что въ томъ, что въ солнечной блистаетъ онъ коронѣ;
Что онъ возносится на велелѣпномъ тронѣ?
Дивиться ль мнѣ тому, что сей всесильный царь,
Нещастнейшу явилъ во мнѣ въ природѣ тварь?
Что въ добродѣтели, что мнѣ въ мечтѣ сей ложной?
Разсудку ль рабствовать предъ сей мечтой ничтожной,
И для нее ль въ борьбѣ съ самимъ собой мнѣ быть?
Олтарь обманчивый къ чему мнѣ вѣры чтить?
Что значутъ должности? такъ, я отвергнуть долженъ
Все то, чѣмъ былъ во мнѣ разсудокъ уничтоженъ.
Я долженъ истреблять, тотъ призракъ, тѣ мечты,
Которые во мнѣ раждали суеты,
И тщетной гордости коварно упоенье!
Ты мнилъ, безсмертіе твое опредѣленье;
Безумецъ! не мечтай! ничтожство твой удѣлъ.
Земля душѣ моей единственный предѣлъ.
Все ниспровержено!... свѣтъ мудрости и блага,
Какъ я, и вы должны быть жертвою лишь праха.
Пусть вихрь страстей меня по волѣ мчитъ своей;
Пусть случай правиломъ моихъ всѣхъ будетъ дней!
Невѣжество! простри, простри свои покровы,
Грозящей мнѣ судьбы законы скрой суровы:
Я вожделѣнію лишь вѣрю одному.
Мнѣ страсти божество, онѣ законъ всему.
Какъ скотъ безсмысленный, и мы такъ умираемъ;
На мигъ одинъ сей міръ плачевный посѣщаемъ.
Мѣлькать и изчезать: вотъ участь праха чадъ:
И тотъ, кто изрыгалъ лютѣйшей злобы ядъ,
Кто человѣчество и Бога отвергая,
Кто длань злодѣйственну на міръ весь устремляя
Вселенной былъ врагомъ!... и тотъ, сошедъ во гробъ,
Спокойнымъ смерти сномъ близъ добраго уснетъ!
О, мысль ужасная! невинность и злодѣйство,
Отъ неба принимать должны одно наслѣдство...

Ничтожество!... почтожъ намъ бытiе дано:
На то ль, чтобъ казнiю служило намъ оно?
За что до нашего въ мiръ этотъ появленья,
Гремитъ лютѣйшiй гласъ сего опредѣленья:
"Стезею бѣдствiя грядите въ мракъ могилъ."
Се ль благости твоей залогъ къ намъ, Боже силъ?
Иль умъ мой уничтожь, или даруй мнѣ вѣчность.
На то ль мнѣ мысль, чтобъ дней нещастныхъ скоротечность
Всю лютость я позналъ? на то ль мнѣ душу далъ,
На то ль лучь совѣсти во мнѣ ты возжигалъ,
Чтобъ ими озарясь, страшился смерти болѣ?
Подъ бременемъ тоски, въ моей ужасной долѣ,
Творецъ! я благости не познаю твоей.
Почто воззвалъ меня ты къ краткой жизни сей?
Во тмѣ бъ ничтожества я жизнью не терзался:
Печатью бѣдъ, весь родъ людей знаменовался.
Коль нужно было то, всемощный, для тебя,
Чтобъ нашимъ бѣдствiемъ ты услаждалъ себя:
Почто надъ нами сводъ составилъ ты эфирный?
Ужели естества храмъ пышный и обширный,
Въ жилище обреченъ отчаянью людей?
На то ль ты зеленью украсилъ видъ полей,
На то ль, на то ль луга ты испестрилъ цвѣтами;
На то ль на нихъ блеститъ веселiе предъ нами,
Чтобы мы зря все то, терзались отъ того?
Въ пространствахъ горняго жилища своего,
На то ль, назначилъ ты свѣтиламъ обращенье,
Чтобы обширное въ Эфирѣ ихъ движенье,
Служило мѣрою мукъ нашихъ въ мiрѣ семъ?
Предвѣчный! ежели ты сотворилъ насъ съ тѣмъ,
Почто насъ не повергъ ты въ глубочайши бездны,
Гдѣ въ мракѣ, никогда лучь не свѣтилъ небесный;
Почто насъ не повергъ... далеко отъ себя!
Тамъ мы роптали бы не столько на тебя;
Великолѣпнаго бъ тамъ свода мы не зрѣли,
Къ нему, невольно бы душою не летѣли;

А днесь насъ отъ него прахъ тлѣнія влечетъ!
 О смерть! другъ вѣрный нашъ, тебя мой стонъ зоветъ.
Приди! ты отъ небесъ намъ благодать едина!
Приди! и успокой земли нещастна сына.
Но что? о смерть! и ты свой премѣнила видъ?
Узнавъ, что путь твой, насъ къ ничтожеству стремитъ,
Узнавъ, что съ тлѣніемъ могилъ ты сопредѣльна,
И что душа моя со прахомъ нераздѣльна,
Тирана и въ тебѣ зрю злѣйшаго для насъ.
Уничтоженія, услышавъ страшный гласъ,
Отъ міра, отъ себя, отъ Бога отдѣлился:
Я въ небесахъ заснулъ, а въ адѣ пробудился!
 Проснулся! и моимъ предстало что очамъ?
Надгробный памятникъ стремится къ облакамъ;
Съ него смерть блѣдная въ безмолвной міръ взираетъ,
И гласомъ медлѣннымъ слова сіи вѣщаетъ:
 "Подъ грудою міровъ, лежатъ здѣсь существа,
"Которые красой быть мнили естества.
"Ихъ сонъ двудневенъ былъ: день первый для мученья,
"Другой, для вѣчнаго имъ данъ уничтоженья."
 Се ль смертнаго удѣлъ? прости всесильный Богъ!
Что мигъ одинъ въ тебѣ я усумниться могъ.
Въ тебѣ? возможноли! весь міръ то отрицаетъ,
Что гласъ невѣрія противъ тебя вѣщаетъ.
Ты справедливъ! ты благъ! коль должно намъ страдать,
Невинность ты мою умѣешь постигать.
Ахъ! предъ тобою лить и слезы мнѣ пріятно!...
Коль многое уму здѣсь смертныхъ непонятно,
По сердцу, какъ въ тебѣ намъ не узнать отца?
Нѣтъ! не обманешь ты дѣтей своихъ сердца.
Пусть люди и судьба свирѣпствуютъ по волѣ,
Могуль на нихъ роптать въ моей печальной долѣ?
Взоръ къ Богу возвожу, его я слышу гласъ:
"Вѣрь! есть всему чреда; придетъ твой щастья часъ!"

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ НОЧИ.

НОЧЬ ДЕВЯТАЯ.

СКОРБЬ и ЗЛОПОЛУЧІЕ.

Смертны есмы, день живи, а заутра въ гробъ.

Духовная В. К. В. В. Мономаха.

Le malheureux prend un plaisir fatal à ſe nourrir de ſa douleur, et à ſ'en retracer les objets.

Boulanger.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

къ

ДЕВЯТОЙ НОЧИ.

Приближаясь почти къ окончанію моего труда, намѣренъ я разсмотрѣть въ кратцѣ сужденіе Ла Гарпово о Юнговыхъ Ночахъ.

Когда вышелъ Ле Турнеровъ переводъ, Ла Гарпъ выхвалялъ и переводчика и сочинителя. Потомъ поссорясь съ Ле Турнеромъ, призналсся въ письмѣ къ одному изъ пріятелей своихъ, что онъ всѣмъ Юнговымъ Ночамъ предпочитаетъ два слѣдующіе Виргиліевы стиха:

"Te, dulcis conjux, te solo in littore secum,
"Te, veniente die, te, decendente, canebat. . ."

"Печальную любовь на лирѣ услаждая,
"Тебя, сладчайшій мужъ, тебя единъ на брегѣ,
"Тебя въ началѣ дня, тебя пѣлъ въ поздный вечеръ."

Ломоносовъ.

Не зная Англійскаго языка, я не могу пріискать изъ Юнга двухъ стиховъ, которые уподоблялись бы симъ двумъ Латынскимъ стихамъ въ сладостномъ томленіи

и въ изнеможенiи души чувствительной и страждущей: но ужели два стиха, напоминающiе объ Орфеѣ, могутъ предпочестся всѣмъ Юнговымъ Ночамъ, возносящимъ душу въ предѣлы безсмертiя и божества?

Не говоря о томъ, что отъ различiя вкуса, происходитъ различiе сужденiй, я скажу только, что въ то время, когда Ла Гарпъ изъяснялся такимъ образомъ о Юнгѣ, онъ былъ еще другомъ, а не врагомъ философiи осьмагонадесять вѣка. Философiи, стремившейся для того унизить людей до степени скотовъ, чтобы на общемъ ихъ безумiи учредить владычество свое; философiи, которая ограничивая бытiе наше земнымъ прахомъ, представляла мiрозданiе игрою и произведенiемъ слѣпаго случая; и для которой бытiе Бога, безсмертiе души, вѣра и вѣчность, были ничего незначущими словами!

И такъ удивительно ли что Юнгъ, сливавшiй непрестанно звуки стенящей лиры своей съ сими реченiями, казался Ла Гарпу смѣшнымъ и надутымъ поэтомъ!

Прости мнѣ, творецъ Лицеи; ты въ послѣдствiи и самъ благоговѣлъ предъ единымъ изреченiемъ Бога, вѣры и безсмер-

тія! взирая на прошедшее, ты проливалъ слезы раскаянія. Претерпѣвъ многоразличныя напасти, поражавшія тебя въ злополучные дни твоего отечества, ты призывалъ людей къ святымъ и утѣшительнымъ истинамъ Евангелія и ты вступилъ во гробъ съ сладкою надеждою, что проснешься въ нѣдрахъ божества, пріемлющаго съ любовію кающагося нарушителя его уставовъ. Да будетъ поучителенъ примѣръ твой и для насъ и для потомства!

НОЧЬ ДЕВЯТАЯ.

СКОРБЬ И ЗЛОПОЛУЧІЕ.

Лорензо! знаешь ли сколь дорогъ сердца стонъ?
Слезамъ открывши путь, ведетъ насъ къ благу онъ.
Ученье истинно не въ школахъ обитаетъ:
Наука не всегда свѣтъ мудрости являетъ.
Смотри! ученой сей въ пыли зарывшись книгъ,
Возмнилъ, что знанья онъ всѣ таинства постигъ;
Въ трудахъ безчисленныхъ онъ жизни губитъ время:
И чтожъ? учености невнятной тяжко бремя,
И умъ и чувствія нещастнаго гнететъ:
Не книги, сердце насъ къ познаніямъ ведетъ.
О, горесть! ты въ своей насъ наставляешь школѣ;
Со другомъ разлучась, страдая въ горькой долѣ,
Мы учимся мечту веселій познавать.
Оставшися друзья хотятъ насъ утѣшать;
Но, ахъ! и дружество, дней нашихъ украшенье,
Отрада щастливыхъ, нещастныхъ утѣшенье
Ничтожно передъ тѣмъ, сразилъ кто въ другѣ насъ!
Во гласѣ горести Творца мы слышимъ гласъ.
Она порочное спокойство разрушаетъ,
И къ благодушію нашъ разумъ преклоняетъ.

Напасти намъ друзья! ихъ мрачною стезей,
Мы къ истиннѣ идемъ. Веселыхъ ясность дней;
Проводитъ часто насъ къ единому мечтанью,
Такъ мгла, преградою ставъ солнечну сіянью,
Возобновляетъ свѣтъ тьмочисленныхъ лампадъ,
Которы въ небесахъ въ полночный часъ горятъ.
О, скорбь! подъ сѣнь твою приходитъ добродѣтель!
Страдавшій самъ, всегда страдальцамъ благодѣтель.
Коль терны горести терзаютъ нашу грудь,
Когда мученія въ нее отравы льютъ,
Тогда премудрость намъ вѣщаетъ поученье.
Льемъ слезы, и въ слезахъ находимъ услажденье.
На нивѣ горестей, страданія и слезъ,
Посѣянъ, благостью всесильною небесъ,
Плодъ, изцѣляющій душевныя терзанья.
Нарцисса! вѣчнаго предметъ воспоминанья,
На ней священныя пожну тѣ мысли я,
Которыя теперь пѣснь возвѣститъ моя!
Быть можетъ до тебя проникнетъ гласъ мой скорбный:
Гдѣ ты, и тамъ сердца сердцамъ внимать способны.
Изслѣдуемъ, почто льемъ слезы на гробахъ?
Вина различна ихъ. Увы! въ иныхъ сердцахъ,
Какъ вихрь стремительный унынье возникаетъ,
Потоки горькихъ слезъ ихъ чувство изливаетъ,
Лишась того, кто все, все! составлялъ для нихъ.
Въ сей скорби искренней, въ слезахъ обильныхъ сихъ,
Умершимъ дань они лестнѣйшую приносятъ,
Другіе, горести одну личину носятъ.
Иные, въ горести притворствуютъ лишь съ тѣмъ,
Чтобъ показать, что духъ изчезъ въ нихъ не совсѣмъ.
Иные, чувствію противяся упорно,
Вдругъ ощущаютъ скорбь, льютъ слезы безпритворно,
Увидѣвъ предъ собой стенящей грусти видъ;
Но чувствіе сіе ихъ и самихъ дивитъ.
И то, и то что душъ всю цѣну составляетъ,
Къ нещастью суетный свѣтъ часто удивляетъ!

И самолюбіе не рѣдко слезы льетъ;
Когда великій мужъ въ обитель мглы сойдетъ,
Тогда, ничтожный духъ тщеславьемъ упоенный,
Стеня, ему хвалы сплетаетъ ухищренны,
Стремяся самаго тѣмъ превознесть себя.
Но гдѣ вся прелесть слезъ? о, красота! тебя, (2)
Онѣ въ божественныхъ чертахъ намъ представляютъ!
Какъ утренней росой въ поляхъ цвѣты сіяютъ;
Такъ чувствіемъ живясь, такъ ты въ слезахъ блестишь!
Изъ сердца ихъ лія, ты сердцу говоришь.
Иные наконецъ, на мрачной гробъ взирая,
Заранѣе себя въ него переселяя,
О тлѣнныхъ дняхъ своихъ скорбятъ и слезы льютъ.
Но слезы всѣ сіи, къ чему изъ глазъ текутъ:
Приносятъ ли онѣ что мудрости собою?
Ахъ! исторгаяся единой суетою;
Для добродѣтели теченье тщетно ихъ.
Кто знаетъ изъ людей всю цѣну слезъ своихъ?
Сей даръ, сей даръ небесъ мы тратимъ безполезно;
Сколь превосходенъ онъ, едваль намъ то извѣстно.
Скорбимъ сердечно мы, зря ближнихъ нашихъ смерть,
А нѣмъ разсудокъ въ насъ. Ему ли разумѣть,
Сколь сильно смерти намъ безмолвіе вѣщаетъ!
Какъ лѣтняя гроза насъ горесть постигаетъ,
И ей же съ равною проходитъ быстротой.
Сперва отчаяньемъ мы духъ питаемъ свой,
Потомъ смягчаяся, едва, едва вздыхаемъ,
И вскорѣ прежній видъ веселья принимаемъ.
Доколь звучаща мѣдь о смерти намъ гласитъ,
Сколь блѣдный видъ ея тогда нашъ взоръ страшитъ!
Намъ кажется, что пасть ея на насъ отверзлась,
Что наши дни пресечь коса ея простерлась:
И чтожъ? разящее тогда унынье насъ,
Минетъ, едва замретъ звѣнящей мѣди гласъ!
За скорби небеса благодарить намъ должно;
Страдальцевъ, именемъ симъ называемъ ложно.

Имъ къ добродѣтели самъ Богъ являетъ путь:
Блаженны тѣ, кого нещастья здѣсь гнетутъ!
Въ очахъ ихъ небеса, а въ сердце добродѣтель.
Во всемъ Творецъ міровъ для смертныхъ благодѣтель.
Но естьли бѣдствіе не изцѣляетъ насъ,
Тогда для нашихъ душъ его умолкнетъ гласъ;
Тогда мы въ вѣчный плѣнъ разврата отдаемся,
  Ахъ! тщетно отъ тоски мы къ радостямъ влечемся;
Что значутъ радости летящей жизни сей!
Кто слезъ не проливалъ объ участи друзей;
Кто не оплакивалъ потерю сердцу милыхъ;
Кто въ пѣснопѣніяхъ и жалобахъ унылыхъ
Въ полночной тишинѣ ко смерти не взывалъ?
Такъ! тотъ не зналъ утѣхъ, кто горести не зналъ.
Творецъ природы все для смертныхъ услаждаетъ;
Онъ даже и въ слезахъ отраду посылаетъ.
Предмета нѣтъ того, чьимъ сердцемъ жили мы;
Онъ перешелъ отъ насъ въ обитель вѣчной тмы;
Но слезы лья объ немъ, еще съ нимъ обитаемъ;
Еще его своимъ страданьемъ оживляемъ!
Ахъ! кликовъ радостныхъ, отзывъ, печальный стонъ.
  Творецъ! дерзнемъ ли мы роптать на сей законъ?
Дерзнемъ ли въ горести хранить окамененье:
Дерзнемъ ли порицать твое опредѣленье?
Ты съ нѣжностью отца увѣдомляешь чадъ:
"Смотрите! бѣдствія вамъ съ сей страны грозятъ:
"Возьмите путь иной." Но сколь мы рѣдко внемлемъ
Вѣщанью твоему: сколь рѣдко предпріемлемъ
Тотъ путь, которымъ намъ итти твой гласъ велитъ;
Чего въ судьбѣ твоей нашъ бренный умъ не зритъ,
То въ суетѣ своей мы часто чтимъ мечтою:
Нашъ долгъ и щастіе, смиряться предъ тобою.
Покорство видя чадъ, какой отецъ, какъ ты,
Бываетъ нѣженъ къ нимъ? пусть скорби тяготы,
Стократъ еще меня сильнѣй обременяютъ;
Пусть тучи надо мной злощастья протекаютъ;

Подъ мракомъ ихъ въ тебѣ зрѣть буду я отца;
Надеждой на тебя живущіе сердца,
Умѣютъ чувствовать во всемъ твою къ нимъ благость.
Ниспосылаешь ли ты имъ къ отрадѣ радость,
Иль посѣщаешь ихъ плачевною судьбой;
Какъ прежде и тогда живутъ они тобой.
Отцу ли чадъ своихъ наказывать пріятно?
Творецъ! хоть мнѣ не все въ судьбахъ твоихъ понятно;
Смиряюсь! чувствіе вѣщаетъ мнѣ мое,
Что провидѣніе предвидитъ все твое,
Что вредъ и зло одно мы часто въ томъ встрѣчаемъ,
Въ чемъ въ слѣпотѣ своей блаженство полагаемъ.
  Хотя средь мрачныхъ бурь проходятъ дни мои,
Благодарю тебя за строгости твои!
Тобой лишился я единственнаго друга,
Тобой повержена во гробъ, моя супруга;
Тобой съ Нарциссою на вѣкъ я разлученъ:
Стеню, и длань твою лобзать я устремленъ.
Нѣтъ! громъ твой поражать не можетъ безъ причины,
Тебѣ извѣстно все. Твой взоръ, твой взоръ единый
Объемлетъ ходъ временъ, свѣтилъ и всѣхъ міровъ.
Тому ль знать ненависть, въ комъ вѣчная любовь?
Творецъ! ты иногда внималъ мое роптанье!
Прости! кто твердъ всегда, перенося страданье?
Страданья! нѣтъ не ты страданія вина;
Тобой для щастія намъ жизнь была дана;
Мы сами нашего мученія виною; (3)
Мы сами пропасти изрыли подъ собою.
Съ свободы снявъ узду, по волѣ лишь страстей
Мы дѣйствовать хотимъ. Изъ краткой жизни сей,
Мы неизмѣрну цѣпь печалей составляемъ,
И отъ лучей небесъ въ мракъ ада ниспадаемъ.
Свободѣ бурной ты вотще творишь оплотъ:
Не внемлемъ ничему, когда насъ страсть влечетъ.
И мы, среди своихъ пороковъ, огорченій,
Среди безумнѣйшихъ, неистовыхъ волненій,

Во тмѣ суетъ забывъ разсудокъ и себя;
Дерзаемъ обвинять природу и тебя!...
Тебя! Богъ благости! а ты намъ все прощаешь;
А ты вовсемъ для насъ отрады посылаешь!
Страданіемъ къ добру, къ терпѣнію ведешь,
За жизнь мгновенную, безсмертіе даешь!
Что кажется намъ зломъ, то зломъ считаемъ мнимо.
Все въ мірѣ нравственномъ, тобой, Творецъ хранимо.
Все чадолюбіе твое являетъ въ немъ;
Теченье стройное ты учредилъ во всемъ;
Любовь твоя и зло во благо превращаетъ:
Сколь часто здѣсь слеза улыбку предваряетъ!
И міръ вещественный не толь являетъ намъ?
Однимъ ли солнечнымъ сіяющимъ лучамъ
Дивится мы должны? одно ль свѣтилъ теченье,
И велелѣпное природы измѣненье,
Благоговѣньемъ умъ должно нашъ наполнять?
Нѣтъ! съ равнымъ чувствіемъ да будетъ слухъ внимать,
Ревущей бури шумъ и трескъ громовъ разящихъ.
Въ огняхъ, средь облаковъ ужасно столь блестящихъ,
Благотвореніе міровъ Владыки зримъ.
Когда тлѣтворный паръ, сгущеніемъ своимъ
Отъемлетъ воздуха живительную сладость;
Тогда ревущихъ бурь спасительная ярость,
И намъ и естеству жизнь новую даетъ.
Зима, которой хладъ природѣ смерть несетъ,
Зима, равно веснѣ для бытія полезна:
Для блага нашего огнепаляща бездна
Реветъ, и пламенны льетъ изъ себя ручьи.
Когда бы въ пропасти глубокія свои
Земля, могущество огня все заключила,
Тогда, ничемъ, его неодолима сила,
Могла бы цѣлый міръ низвергнуть, истребить.
Со трепетомъ народъ кометъ теченье зритъ,
А звѣздочетецъ ихъ съ восторгомъ наблюдаетъ.
Какою красотой ихъ видъ тогда сіяетъ,

Когда объявшей ихъ, изчезнетъ ночи мракъ!
  И добродѣтели сему подобенъ зракъ.
Сопровождаяся блаженствъ земныхъ мечтою,
Сіяніе ея мѣшается со тмою;
Подъ сѣнью счастія объемлетъ сонъ ее.
О, злополучіе! присутствіе твое
Разсѣиваетъ тѣнь, мрачащу добродѣтель;
Съ тобой ей цвѣсть велѣлъ небесныхъ странъ владѣтель.
Какъ солнце изходя изъ мрачныхъ облаковъ,
Во всемъ величіи сіяетъ средь міровъ,
И добродѣтель такъ, изъ мрака злоключенья,
На міръ льетъ полный свѣтъ небесна озаренья;
Улыбка щастія предвѣстіе есть бѣдъ.
Разсудкомъ лишь оно успѣетъ овладѣть,
Ужъ зримъ его превратъ! стремились къ райской части,
И чтожъ? льемъ токи слезъ подъ бременемъ напасти.
Ослабленной душѣ какъ горесть перенесть?
  Блаженъ! кто могъ въ борьбѣ со скорбью жизнь провесть!
Какъ мощный исполинъ онъ міра текъ стезею;
Надъ рокомъ, надъ судьбой вознесшися душою,
Вниманье онъ земли и неба привлекалъ;
Онъ славы истинной сіяніе стяжалъ,
Къ уставамъ божества храня повиновенье.
Героя, въ смертномъ зримъ, въ опасный часъ сраженья;
Дивимся кормчему въ волненіи морскомъ,
А другъ добра, великъ напастей подъ ярмомъ.
  И мы на горести еще роптать дерзаемъ!
Скорбь на челѣ нося мы Бога прогнѣвляемъ.
Средь бѣдъ, средь бурь мірскихъ, веселостью лица,
Почтимъ съ любовью чадъ небеснаго отца;
Взнесемъ къ нему сердца изъ бездны злоключеній;
Молю тебя, веди стезею огорченій
Ко щастью, къ радостямъ, души моей друзей:
Нещастье учитъ насъ вкушать даръ жизни сей.
  Нѣтъ! имя смертнаго я не почту мученьемъ;
На жизнь взложенну дань съ сердечнымъ умиленьемъ,

Я Богу принесу ! . . . Иль то умѣй сносить,
Что неминуемо должно насъ здѣсь разить,
Или отъ міра ты и жизни отрекися.
О, смертный ! въ истиннѣ сей вѣчной убѣдися ;
"Что мы для многихъ бѣдъ и горестей живемъ,
"И что отсель въ чертогъ безсмертья перейдемъ."

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ НОЧИ.

ПРИМѢЧАНІЯ
КЪ
ДЕВЯТОЙ НОЧИ.

1). (Въ посвященіи). *Я упоминаю о драмѣ моей Натальѣ, игранной прошлаго года въ первой разъ въ Петербургѣ.*

2). Но гдѣ вся прелесть слезъ? о, красота, тебя
Онѣ въ божественныхъ чертахъ намъ представляютъ.

Шиллеръ прекрасно выразилъ подобную мысль:

Saheſt du nie die Schönheit im Augenblicke des Leidens,
Niemals haſt du die Schönheit geſehn.
Sahſt du die Freude nie in einem ſchönen Geſichte,
Niemals haſt du die Freude geſehn!

3). Мы сами нашего страданія виною;
Мы сами пропасти изрыли подъ собою,
Съ свободы снявъ узду....

Я приведу о семъ мнѣнія двухъ извѣстнѣйшихъ писателей прошлаго столѣтія.

Споря съ Биртономъ подъ именемъ Фрейнда, Вольтеръ говоритъ: "соглашаюсь, на землѣ есть много физическаго и нравственнаго зла; но мы увѣрены, что Богъ существуетъ, и что всѣ бѣдствія міра не опровергнутъ его бытія. Богъ не можетъ и не захочетъ быть злобнымъ: къ чему ему быть таковымъ? Друзья! мы много терпимъ напастей, не умножайте числа ихъ. Богъ благъ, благъ необходимо по сущности своей; но люди развратны. Люди въ неистовствѣ своемъ употребляютъ во зло свободу, которую Верховное существо въ нихъ влїяло и должно было влїять: свободу, означающую могущество исполнять ихъ воли, ибо безъ того, были бъ они истуканами, созданными къ злодѣйству и разрушенїю."

"Такъ! добродѣтели всегда сїяли на лицѣ земли. Анитусы безславили Афины; Сократы прославляли ихъ; Силлы кровопїйство-

вали въ Римѣ; Катоны украшали его. Вселенная содрогалась отъ злодѣяній Калигулъ, Нероновъ; Титы, Антонины, Марки Авреліи, утѣшали ее. Послушайте, что говоритъ Эпиктетъ: Богъ создавшій меня, всегда со мною: дерзну ли безславить его гнусными помышленіями; беззаконными дѣяніями, порочными желаніями. Богъ благъ, правосуденъ, подражайте ему!"

Вольтеръ.

Разсматривая человѣка въ общемъ отношеніи его ко всему существующему въ мірѣ, Жанъ-Жакъ Руссо славитъ его жребій, его благородство, и проч: но продолжаетъ онъ: "желая потомъ узнать частное мое мѣсто и обозрѣвая различныя степени и людей оныя занимающія, какимъ поразился я ужасомъ! какое зрѣлище! гдѣ, гдѣ видѣнный мной порядокъ! картина природы знаменовалась во всемъ единствомъ и соразмѣрностію; чтоже узрѣлъ я въ картинѣ рода человѣческаго? мглу и неустройство, Въ нѣдрахъ стихій господствуетъ согласіе, а въ людяхъ хаосъ. Скоты щастливы, а царь ихъ злополученъ. О премудрость! гдѣ уставы твои? о провидѣніе! се ли владычество твое! Существо милосердое, гдѣ твое могущество? я вижу на землѣ зло!"

"Нѣтъ! величайшее услажденіе состоитъ въ душевномъ довольствіи. Достигать и заслуживать сіе довольствіе, есть цѣль бытія нашего. Вотъ для чего искушаемся страстями и удерживаемся совѣстію. Могущество божественное! се лучшій даръ твоей благости! ты не можешь водворять разногласія въ существѣ нашемъ; ты не награждало бы тогда добрыхъ дѣлъ: чтобы онѣ значили безъ поползновенія ко злу? ужели для отвлеченія человѣка отъ зла, надлежало его поработить побужденію скотовъ? нѣтъ! Творецъ души моей! никогда не упрекну тебя въ томъ, что ты создалъ меня по образу своему; да буду равно тебѣ свободенъ, добръ и щастливъ."

"Злоупотребленіе нашихъ способностей, есть причина нашего разврата и злополучія." и проч.

Емиль, книга IV.

НОЧЬ ДЕСЯТАЯ.

МІРЪ.

Tout ce que nous voyons du monde; n'est qu' un trait imperceptible dans l'ample sein de la Nature..... C'est une sphère infinie, dont le centre est partout et la circonférence nulle part.

PASCAL.

ТЕБѢ.

Чувствительный отецъ! супруги нѣжный другъ,
Какимъ веселіемъ ты свой питаешь духъ!
Ты въ мірѣ семъ умѣлъ съ собой ужиться въ мирѣ;
Умѣлъ порывъ страстей сдержать имъ въ должной мѣрѣ:
Искуства, кругъ наукъ, суть пища для тѣбя.
Не изъ тщеславія, ты ихъ для нихъ, любя.
Умѣешь избѣгать мятежныхъ душъ волненій.
Такая жизнь, есть всѣхъ источникъ наслажденій.
Въ сей долѣ мирны дни свои препровождай;
Въ сердца твоихъ дѣтей свой нравъ переселяй.
Обязанъ чѣмъ тебѣ, о томъ не повторяю
Въ душѣ моей твоимъ я чувствамъ цѣну знаю.

5 Іюня 1806. Москва.

НОЧЬ ДЕСЯТАЯ.

МІРЪ.

О, люди! долго ли вамъ быть рабами свѣта?
Къ чему стремитесь вы къ предмету отъ предмета,
Среди надеждъ пустыхъ, средь замысловъ, заботъ?
Что отъ самихъ себя васъ въ мірѣ семъ влечетъ?
Здѣсь честолюбца зрю, бродящаго безъ цѣли;
Къ природѣ, ко всему въ немъ чувства онѣмели;
Случайности одной воззрѣнья алчетъ онъ.
Тамъ, сластолюбецъ, взявъ веселіе въ законъ,
Подъ сѣнію его сномъ смерти засыпаетъ;
Другихъ корысти блескъ и золота прельщаетъ:
И всѣ ничтожностямъ однимъ стремясь во слѣдъ,
Въ превратномъ мірѣ такъ свершаютъ свой полетъ,
Какъ легкимъ вѣтромъ пыль у насъ въ поляхъ мятется.
Ахъ! смертной отъ суетъ до гроба не проснется!
Что значитъ этотъ міръ? мечтанія страна,
Гдѣ суетнымъ сердцамъ тѣнь щастія дана.
Что значутъ люди въ немъ? ничтожны привидѣнья:
Что замыслы всѣ ихъ? остатки сновидѣнья,
Которое ихъ умъ прельщаетъ въ часъ ночной.
Въ весельи, въ горести идемъ стезей одной:

Стезей безумія... страдалецъ мракъ встрѣчаетъ,
Щастливецъ по цвѣтамъ путь жизни протекаетъ;
Но къ пропасти пришедъ, равно въ нее падутъ;
Ихъ скорбь, ихъ радости, съ сномъ бытія пройдутъ.
Лорензо! зришь ли ты мгновенныхъ дней паренье?
Ахъ! уничтожь свое зловредно упоенье:
Къ чему блескъ почестей, къ чему отличный родъ;
Къ уничиженію не все ли насъ влечетъ?
На терніяхъ, мой другъ! покой найти ты хочешь;
Гоняясь за мечтой, свое страданье множишь.
Въ пути семъ, утомясь отъ приключеній злыхъ,
Желаешь опочить: уснувъ, въ мечтахъ своихъ,
Равно какъ на яву, тѣнь щастія объемлешь!
Почто подъ бременемъ ты симъ постыднымъ дремлешь?
Проснись! существенныхъ во слѣдъ стремися благъ;
Чѣмъ обольщался ты, то все низвергни въ прахъ.
Пусть увѣщаніямъ моимъ развратъ смѣется;
Духъ отъ безумія во мнѣ не возмятется;
Я истинну глашу: моя подпора въ ней.
Откроемъ лѣтопись земли плачевной сей;
Скажи! что видимъ мы? случайности премѣны,
Волненіе страстей, коварныя измѣны:
Женъ ухищреніе, неистовство мужей:
Се міра лѣтопись во всей красѣ своей!
Чтожъ возвѣщаетъ намъ труба молвы гремящей?
Единый скорби гласъ, напастію грозящей.
Подобно молніи въ предѣлахъ свѣта мчась,
То къ безднамъ яростнымъ, то къ облакамъ стремясь,
Отъ бытія временъ не знавъ отдохновенья,
Молва, всемѣстныя гласитъ намъ злоключенья.
Съ ней вѣки согласясь, съ тѣмъ кажется текутъ,
Чтобъ въ мірѣ означать намъ бѣдствіями путь.
Уже ль пріятно имъ вмѣщать людей напасти?
Удары каждой день пріемлемъ лютой власти:
И каждый часъ еще намъ чѣмъ нибудь грозитъ!
Здѣсь рокъ коварствуетъ, тамъ смерть косой блеститъ;

И средь сихъ лютыхъ бурь полетъ свершаетъ время!
О, ты! взвергающій на насъ печалей бремя,
Да слезъ спасительныхъ ліемъ потоки мы!
Что значитъ тлѣнный міръ? обитель золъ и тмы.
Паровъ и облаковъ легчайшихъ съединенье,
Которы въ мигъ родясь, въ мигъ зрятъ уничтоженье.
Лучь блеска твоего далъ міру бытіе;
Земля! теченіе изчислено твое.
Часъ гибели твоей наступитъ неизбѣжной;
А люди въ радости безумной и мятежной,
На ней ликуютъ такъ, какъ будтобъ имъ и ей,
Не должно никогда зрѣть гибели своей...
И ты, Творецъ вѣковъ! мечтой почтенъ ты ими!
О, міръ! со всѣми ты прельщеньями своими
Пучины яростной видъ представляешь намъ!
И кто жъ, кто по твоимъ пускается волнамъ.
Отважны смертные, земли мгновенны чада.
Забывъ, что могутъ быть игрой судьбы неврата,
И бурямъ и волнамъ ввѣряютъ жребій свой!
Въ пучинѣ, злобною сразившися судьбой,
Не зрятъ спасенія! нѣтъ брега, нѣтъ надежды,
Гремящей тучею смыкаются ихъ вѣжды.
Ахъ! и до ней еще сколь духъ ихъ возмущенъ!
Ихъ бѣгъ на корабляхъ различныхъ устремленъ.
При ясности небесъ терзаютъ ихъ боязни,
Предчувства скорбныя и лютыя всѣ казни
Недоумѣніе, вселяющія въ умъ.
Послышавъ изъ дали слабѣйшій бездны шумъ,
Смущаются: потомъ, усугубивъ стремленье,
На полныхъ парусахъ хотятъ свершить теченье;
Хотятъ направить бѣгъ, туда, гдѣ щастья тронъ;
Гдѣжъ ихъ компасъ? кто имъ въ пути даетъ законъ?
Ихъ прихоть и ума превратнаго строптивость.
И чтожъ? они винятъ судьбы несправедливость!
То по вершинѣ водъ пріемлютъ быстрый ходъ
То ставъ игралищемъ волнующихся водъ,

Склоняются съ пути, торопятся, тѣснятся,
Противоборствіемъ страстей различныхъ мчатся,
И гибели своей предускоряя часъ,
Ужъ поздно зрятъ, что свѣтъ ихъ разума погасъ.
Въ веснѣ прелестныхъ лѣтъ, здоровьемъ процвѣтая,
Воображеніемъ мигъ каждый украшая,
Безъ опыта, едва вступая жизни въ путь,
Когда отвсюда насъ желанія влекутъ,
Надежды обольстясь обманчивымъ сіяньемъ,
Въ міръ устремляемся съ отважнымъ упованьемъ;
Всѣ звѣзды, каждый вѣтръ въ мечтахъ друзьями чтимъ;
Къ успѣхамъ, къ торжествамъ изъ пристани спѣшимъ.
Но кто изъ насъ судьбы всемощныя постигнетъ?
Увы! большая часть изъ смертныхъ въ безднѣ гибнетъ!
Безопытной рукой стремясь владѣть рулемъ,
Они встрѣчаютъ смерть въ невѣденьи своемъ;
Другіе, болѣе являютъ въ томъ искусства,
Но дунетъ вѣтръ, и въ нихъ оцѣпенѣютъ чувства;
Другіе, научась средь бурь и волнъ терпѣть,
Плывутъ удачнѣе. Желанный ужъ предметъ
Почти у нихъ въ глазахъ . . . за твердость и терпѣнье,
Готовы воспріять достойно награжденье.
Они близъ пристани, но лишь вскричать хотятъ,
"Друзья! мы пристань зримъ!" ужъ пристани не зрятъ;
Вотще усилія свои усугубляютъ,
Всевластныя судьбы ихъ въ пропасть увлекаютъ:
Изъ смертныхъ имъ никто противиться не могъ.
Сколь многихъ постигалъ средь безмятежья рокъ!
Зіяетъ влажна хлябь. . . . страдальцы погрузились,
Они, ихъ имена волнами вдругъ покрылись;
Назавтрѣ міръ забылъ, что онъ ихъ зрѣлъ въ себѣ!
И многи ль въ славной здѣсь еще гремятъ судьбѣ?
О Кесарѣ молва звучаща возвѣстила,
А тысячи другихъ смерть во все поглотила.
Сколь мало избранныхъ судьбины видимъ чадъ,
Которы радостно ко пристани летятъ,

И въ ней, вѣнецъ своимъ желаніямъ пріемлютъ!
Въ восторгѣ душъ своихъ они громамъ не внемлютъ,
Которые на нихъ гремятъ изъ далека.
Для смертныхъ, смертнаго всегда судьба близка:
Избѣгнувъ бѣдствія, уклонемся ль природы?
Губительную длань на все простерли годы:
Подобно тѣни смерть за каждымъ здѣсь идетъ;
И тотъ, кто въ торжествѣ веселій чашу пьетъ,
Какой тотъ скорбію ужасной возмутится,
Когда наступитъ часъ съ утѣхами проститься!
Сколь горестно тогда на вѣкъ міръ оставлять;
Когда готовились имъ только обладать!
О, сколь мучительно со щастьемъ разлученье!
Какъ много стоило его пріобрѣтенье,
И мигъ, единый мигъ затмитъ красу его!
Чертогъ блаженствъ, и ты средь блеска своего,
И ты разрушившись, стремишься въ слѣдъ за нами;
Кто зданіе воздвигъ надъ звѣздными кругами,
Лишь только тотъ одинъ чуждъ рока и вѣковъ.
  Простремъ на бѣдствія житейскія покровъ,
Возмнимъ, что щастіе покорно нашей волѣ;
Посмотримъ, щастливы ль въ блистательной ихъ долѣ;
Вельможи, богачи, которымъ случай льститъ?
Ахъ! жребій ихъ сильнѣй въ томъ долженъ убѣдить,
Сколь тлѣнна пышность здѣсь, и сколь величье бренно!
Сегодни радостью чело ихъ озаренно,
А завтрѣ? завтрѣ рабъ щастливѣй ихъ стократъ.
Едва дни горестны, ихъ ясны дни затмятъ,
Гдѣ пышность, гдѣ друзья? ласкательствъ гдѣ личина?
Все, все то истребитъ зловредная судьбина...
Сколь ихъ ничтоженъ блескъ! сколь власть безсильна ихъ!
Ахъ! блескъ и власть, покровъ лишь мукъ и скорбей злыхъ.
О, добродѣтель! ты, въ сей безднѣ треволненной,
Единый якорь намъ: въ часъ бури разъяренной,
Ты подкрѣпляешь насъ, ты съ нами входишь въ гробъ,
Въ спокойну пристань, гдѣ нѣтъ бурь и непогодъ.

Мірская суета, собранія мятежны,
Гдѣ водворилися заботы неизбѣжны;
Гдѣ сладкогласнѣйшихъ гремитъ орудій звукъ,
Не заглушая въ насъ стенанья, мрачныхъ скукъ;
Гдѣ отъ самихъ себя бѣжимъ мы по всечасно:
Въ вашъ вихрь пускаемся отрадъ искать напрасно.
Желаешь ли тоску отъ сердца удалять?
Умѣй въ слѣдъ истинны свой разумъ устремлять;
Или обуздывай порывъ страстей кипящихъ;
Иль ближнихъ зря своихъ въ отчаяньи стенящихъ,
Спѣши потоки слезъ въ ихъ осушать очахъ;
Улыбку водворять, спѣши на ихъ устахъ;
Отрадой, щастьемъ ихъ ты вѣрно щастливъ будешь,
Ты къ жизни сладостной свой томный духъ пробудишь.
Благотвореніе! нѣжнѣйша дщерь небесъ;
Ты, дружба и любовь, и въ изліяньи слезъ
Даете намъ вкушать веселье несравненно;
Мгновенныхъ нашихъ дней вамъ щастіе врученно.
Блаженъ! кто менѣе сей міръ превратный чтитъ,
Который и своихъ чадъ избранныхъ разитъ;
Сей міръ, который намъ столь предлагаетъ мало,
Лишенья скорбнаго вселяя въ сердце жало!
Блаженъ, кто міръ узнавъ, стремится отъ него,
Страшася жертвой быть прельщенія его:
Знать, не любя его, душѣ великой сродно;
Среди его оковъ, въ ней чувствіе свободно,
Постыдный тлѣнъ его умѣетъ отвергать;
И не любя его, въ немъ болѣ благъ вкушать.
Лорензо! голосомъ его не обольщайся;
Онъ сладокъ... сладости его ты устрашайся,
Къ стеченію всѣхъ бурь онъ приведетъ тебя,
И ввергнетъ въ нихъ, твой умъ, коварствомъ истребя.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТОЙ НОЧИ.

НОЧЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

МНОЖЕСТВО МІРОВЪ.

Où reside le bien ſuprême? Où doit on le chercher? Est ce dans ces plaisirs qui nous enivrent? Dans ces connoissances qui nous enorgueillissent? Dans cette dècoration brillante qui nous èblouit? Non, car tout ce qui est changeant et mobile ne ſaurait etre le vrai bien. Quittons la terre et les ombres qui là couvrent; élevons nos esprits vers le ſéjour de la lumiere...

Republique de Platon.

НОЧЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

МНОЖЕСТВО МІРОВЪ.

О, сколь великъ Господь! . . . Сквозь мрачно вещество,
Въ какихъ лучахъ его сіяетъ существо!
Воззритъ! и тьмы міровъ раждаются отъ взгляда;
Воззритъ! и естества обширная громада
Въ сіяньи, въ торжествѣ предстанетъ средь огней,
Въ Эфирѣ блещущихъ подъ сѣнію ночей.
И что же зримая предъ Господомъ вселенна!
Ступенью первой быть она опредѣленна
Къ престолу божества, къ Владыкѣ всѣхъ міровъ:
Измѣримъ ли когда пространство сихъ круговъ?
Гдѣ мірозданія предѣлы и начало?
Гдѣ современное то міру покрывало,
Которое его дѣлитъ съ небытіемъ?
Усмотримъ ли, какимъ Создатель шелъ путемъ;
И гдѣ назначилъ онъ предѣламъ быть творенью?
Гдѣ, гдѣ покорствуя его произволенью
Взнесенъ нетлѣнный столпъ, вѣщающій мірамъ:
"За мной небытіе, а я граница вамъ!"
То мѣсто гдѣ? гдѣ онъ, вѣщалъ умамъ эфирнымъ,
Воззрите: "здѣсь конецъ обителямъ всемірнымъ,

"Здѣсь положенъ предѣлъ творенья моего;
"На мѣстѣ семъ Творца прославьте своего!"
О, ночь! всемѣстно ты разпространивъ молчанье,
Подъ сѣнію своей являешь намъ собранье,
Безчисленныхъ міровъ, завистнымъ свѣтомъ дня,
Скрываемыхъ отъ насъ.... ты солнце замѣня,
При свѣтѣ лунномъ намъ міръ новый представляешь;
О, ночь! коль дивные предметы столь вмѣщаешь,
Не можешь ли явить во глубинахъ своихъ
Зиждителя, чудесъ неизъяснимыхъ сихъ?
Нѣтъ! тщетно въ нихъ ищу, вотще я къ нимъ взываю;
Вотще блестящія свѣтила вопрошаю;
Вотще къ созвѣздіямъ я простираю гласъ,
Которы на моряхъ въ глубокой ночи часъ,
Спасительны судамъ, по безднѣ водъ летящимъ.
Вотще, вотще отъ нихъ вѣщаніемъ молящимъ
Хочу узнать, гдѣ Богъ престолъ себѣ воздвигъ:
Возможно ли чтобъ умъ то тайнство постигъ!
Вселенная сія одно ль его творенье?
Или за ней, Творца всесильно дуновенье
Въ неизмѣримый кругъ излило бытіе:
Еще ль, Творецъ! еще ль реченіе твое
Произвело міры, блестящіе въ Эфирѣ?
Какъ средоточный свѣтъ блестя въ златой порфирѣ,
Не между ль сихъ міровъ возносится твой тронъ?
И длани маніемъ являя имъ законъ,
Не такъ ли предъ собой міровъ зритъ обращенье,
Какъ видимъ праха мы при свѣтѣ дня движенье?
И не должны ль они низвергнуться во мракъ,
Лишь отвратитъ отъ нихъ Господь свой свѣтлый babзракъ.
Сколь алчу я въ душѣ, меня, къ нему стремящей,
Прейти изъ міра въ міръ, по лѣствицѣ блестящей,
Являющейся намъ среди ночныя тмы!
Склоняясь, насъ зоветъ, чтобъ шествовали мы.
Такъ! мыслею взнесусь въ невидиму обитель;
Уже я сталъ зыбей лазурныхъ повелитель!

Гдѣ шаръ земной? увы! изчезъ въ моихъ очахъ!
Вознесшись за луну, парю на небесахъ.
Завѣса ихъ шумитъ, мгновенно ниспадаетъ;
Неизмѣримый тотъ мой взоръ предѣлъ встрѣчаетъ
Куда астрономы стремятъ ученый взглядъ.
Поспѣшно преходя свѣтилъ блестящихъ рядъ,
Я вопрошаю ихъ: "гдѣ правяща ихъ сила?"
Но что? ужъ мысль моя почти свой путь свершила;
Предстали солнцы мнѣ, блестящія собой;
Опредѣленные мірамъ всѣмъ быть душой.
Достигъ до нихъ! и зрю, зрю Океанъ безбрежный
Свѣтиламъ и мірамъ небесъ въ пространствѣ смѣжный.
Поступимъ далѣе; я только началъ путь...
Гдѣ, гдѣ безсмертія, Творецъ! лучи текутъ
Отъ трона твоего? гдѣ твой престолъ священной?
Срѣтая подъ собой предѣлы всей вселенной,
Не зрю еще его! чѣмъ болѣе стремлюсь,
Тѣмъ отдаленію я моему дивлюсь.
Недосягаемъ ты для бренна взора смертныхъ;
Но ты у насъ въ душахъ... блестя въ мірахъ несмѣтныхъ,
Ты въ сердце смертнаго себя напечатлѣлъ:
Песчинкѣ, обитать съ тобой ты повелѣлъ.
  Удержимъ нашъ полетъ; возмемъ отдохновенье;
Гдѣ я? гдѣ видъ земли? гдѣ солнца озаренье?
Имъ описуемый сколь малъ, сколь тѣсенъ кругъ!
На верхъ творенія возносится мой духъ.
Хочу узнать міры невѣдомы доселѣ;
Хочу все обозрѣть въ ихъ выспренномъ предѣлѣ;
Хочу ихъ жителей узнать и вопросить!
О, вы! съ которыми вселенна насъ дѣлитъ,
Отъ праха бреннаго я къ вамъ, я къ вамъ стремлюся,
Да человѣчества величьемъ наслаждуся.
Какъ именуютъ вашъ необозримый шаръ?
Вамъ не дана ли жизнь божественная въ даръ?
Сближаясь съ горними чертогами блаженства,
Вы обладатели ль отличнаго наслѣдства?

Не между вами ли разсудка вѣчный тронъ?
Не здѣсь ли для страстей священъ его законъ?
Не здѣсь ли дни текутъ невинности прелестной;
Не здѣсь ли въ радости природной, повсемѣстной,
И нравовъ и сердецъ сіяетъ чистота?
Не здѣсь ли благости душевной красота,
Васъ чадами отца единаго являетъ;
И гласомъ васъ любви ко щастью призываетъ?
Здѣсь вѣрно яростный громъ не гремитъ войны,
Которымъ области земли возмущены.
Когда въ моряхъ крови подсолнечная тонетъ,
Когда невинность въ ней отъ стрѣлъ насилья стонетъ;
Вы въ жизни ближняго жизнь видите свою!
Гласите ко Творцу: "мы за любовь твою,
"Въ любви къ тебѣ, въ любви ко ближнимъ заключенной,
"Не согласимся взять подъ власть свою вселенной!
"Жить ближними, тобой! есть щастье нашихъ дней."
Ахъ! земнородные давно отъ цѣли сей
И сердцемъ и умомъ на вѣки отвлеклися;
Они безчувствія бронею облеклися.
Не смерть стремится къ намъ, они ее зовутъ!
То въ необузданныхъ страстяхъ ихъ дни текутъ;
То честолюбія упившися отравой,
Создавши тьму смертей, средь ихъ, летятъ за славой.
За славой? гдѣ она? уже ли тлѣнный прахъ,
То можетъ замѣнить, что изтребимъ въ душахъ?
Что вижу? уже смерть отъ міра удалилась;
Въ погибели людей на нихъ же положилась.
Почто познанія насъ озаряетъ свѣтъ?
Къ тому ль, чтобъ видѣли яснѣе тучи бѣдъ?
Сперва въ напастяхъ мы свѣтила обвиняли;
Ихъ дѣйствія на насъ причиной золъ считали;
А днесь мы зримъ, что мы одни тѣхъ бѣдъ творцы.
О, вы! носящіе владычества вѣнцы,
Хотитель въ мірѣ, тѣмъ, являться благодарнымъ,
Чѣмъ служитъ солнца блескъ, въ Эфирѣ свѣтозарномъ!

Хотите ли во всѣхъ сіять такъ временахъ,
Какъ звѣзды горнія блестятъ на небесахъ:
Низвергните раздоръ во мрачны бездны ада;
Отъ трона вашего пусть льется лишь отрада,
Отрада, страждущи крѣпящая сердца:
Благотвореніе есть лучшій блескъ вѣнца.
Помыслите: почто кипятъ тщеславья злостью?
Увы! чтобъ обладать единой праха горстью.
   Когда о множествѣ міровъ мечтаю я,
Въ подпору, къ истиннѣ взываетъ мысль моя,
Къ той истиннѣ, что все для Вышняго возможно;
Ужель о власти я его вѣщаю ложно?
Какъ знать то смертному, что можетъ царь царей?
Міры онъ создаетъ воззрѣніемъ очей.
Речетъ! и новыя вселенны возродятся...
Могу ль въ небытіе разсудкомъ устремляться?
О немъ вообразя хладѣетъ мысль моя:
Нѣтъ! царь міровъ есть царь всемѣстна бытія.
   И опытъ самъ мои догадки подтверждаетъ:
Посредствомъ оптики, глазъ смертнаго сближаетъ,
Свѣтила горнія съ обителью земной:
Мы въ множество міровъ умъ устремляемъ свой.
Два крайни естества сближаются предѣла;
То къ высочайшему мысль возлетаетъ смѣла,
То вдругъ малѣйшія частицы хочетъ зрѣть.
Во всемъ мы предъ Творцомъ должны благоговѣть;
Въ песчинкѣ и въ мірахъ онъ несравненъ и силенъ.
О, зодчій горнихъ странъ! сколь разумъ твой обиленъ
Въ изобрѣтеніи безчисленныхъ чудесъ!
Въ предѣлахъ ли парю превыспреннихъ небесъ,
Иль въ глубинахъ твоей премудрости теряюсь;
Отъ средоточія нигдѣ не уклоняюсь:
Отвсюда ты къ себѣ умъ смертнаго влечешь.
Я есмь! въ семъ имени себя намъ знать даешь.
Господь! въ семъ имени твое существованье:
Что всѣ міры предъ нимъ? сна краткаго мечтанье.

Все естество, покровъ лишь бренный есть того,
Что скрылъ въ чертогахъ ты величья своего.
О, вы! текущіе въ слѣдъ славнаго Невтона,
Постигли ль вы того, кто съ велелѣпна трона
Поникше въ пропасти творенья зритъ чело?
Искусство ваше все доселѣ не нашло
Порядка, вышняго десницей учрежденна;
И солнца, для всего творенія возженна.
Вы зрѣли ль спутниковъ блестящихъ вкругъ него?
Вы звѣзды видѣли ль, встрѣчающи его,
И поклоненія ему несущи дани?
Творецъ! къ твоей надъ всѣмъ съ небесъ простертой длани,
Не напыщенный умъ, возноситъ сердце насъ;
Мы любимъ, чтимъ тебя, его внимая гласъ.
Куда надменный умъ достигнуть не дерзаетъ,
Любовь туда паритъ, и тамъ отца встрѣчаетъ!
Любовь есть вѣрный ключь къ отверстію небесъ:
Не для глубокаго ученія мы здѣсь;
Кто создалъ все, цѣнитъ тотъ сердца приношенье:
Гдѣ чувство благости, тамъ и Творца воззрѣнье.
Вселенная есть храмъ всесильнаго Творца;
Изъ всѣхъ міровъ къ нему возносятся сердца.
Я зрѣлъ въ нихъ олтари, исполненны куреньемъ;
Я восхищался ихъ царя міровъ хваленьемъ;
Въ недосягаемыхъ предѣлахъ естества,
Все свято, все слѣды являетъ божества.
И чтожъ? се смертнаго, се чадъ земли наслѣдство;
Отецъ! сколь чтить тебя должно твое семейство.
Прости, я искренну хвалу тебѣ воспѣлъ;
Не бреннымъ разумомъ, тебя я сердцемъ зрѣлъ.

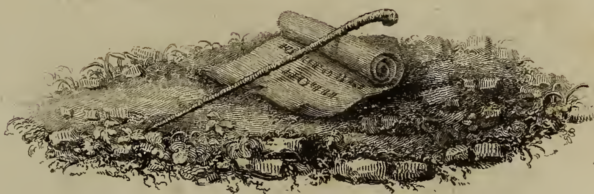
КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТОЙ НОЧИ.

НОЧЬ ДВЕНАДЦАТАЯ.

НРАВСТВЕННОЕ СОЗЕРЦАНІЕ НЕБЕСЪ.

Tout est vanité ſous le ſoleil; c'est à dire, tout ce qui est mesuré par les années, tout ce qui est emporté par la rapidité du tems. Sortez du tems et du changement; aspirez à l'éternité: la vanité ne vous tiendra plus asservis.

Bossuet : Oraison funèbre de la Duchesse d'Orléans.

ПЛАТОНУ ПЕТРОВИЧУ
БЕКЕТОВУ

Вамъ обязанъ я изданіемъ въ свѣтъ первыхъ четырехъ Юнговыхъ Ночей: вы неоднократно подкрѣпляли меня на пути словесности, которая въ мятежной моей жизни служитъ мнѣ единственной отрадой; вы и теперь прилагаете трудъ о изданіи продолженія Юнговыхъ Ночей; и такъ въ окончаніи оныхъ примите сіе изліяніе моего сердца, убѣжденнаго въ томъ: „что одобреніе чувствительныхъ и благородныхъ душъ есть на землѣ вторая для насъ награда„(*)

18 Юня 1806: года Село Свирлово.

(*) Ж: Ж: Руссо Письмо къ Гос: N: N:

НОЧЬ ДВЕНАДЦАТАЯ.

НРАВСТВЕННОЕ СОЗЕРЦАНІЕ НЕБЕСЪ.

Взносите къ небесамъ и взоры и сердца;
О, смертные! чертогъ тамъ вашего отца!
Воззрѣнье къ нимъ, злодѣйствъ остановляетъ жало;
А въ комъ всегда къ добру желаніе пылало,
Спокойный, ясный тотъ къ нимъ обращая взглядъ,
Безвѣстныхъ сладость всю предчувствуетъ отрадъ.
Какою радостью нашъ духъ животворится,
Когда во взорахъ, видъ небесъ изобразится!
Та радость, тайный есть союзъ со божествомъ.
Зря гору, къ облакамъ стремящуся челомъ;
Зря мрачныя лѣса, предѣлъ уединенья,
Иль видя степь, гдѣ нѣтъ очамъ успокоенья;
Иль обращая взоръ къ обширнымъ безднамъ водъ,
Иль въ пропастяхъ земли свершая мглистый ходъ;
Животворимся мы внезапнымъ вдохновеньемъ.
Но чтожъ, когда душа, влекома восхищеньемъ,
Стремяся къ небесамъ, ихъ велелѣпье зритъ;
И въ горней ихъ странѣ, ихъ пламенемъ горитъ!
Сокройся тщетное искуство смертныхъ рода:
Что сила тамъ твоя, гдѣ царствуетъ природа?

Дерзай сооружать огромныхъ видъ столповъ,
Кипящихъ водъ ручьи взноси до облаковъ;
На прахѣ созидай земномъ стовратны грады;
Мгновеннымъ блескомъ ихъ прельщай тщеславья взгляды;
Усилій плодъ твоихъ, забава лишь дѣтей.
Но коль и суетѣ дивимся мы твоей,
Чтожъ ощущать должны, сводъ горній созерцая?
Творецъ! когда и здѣсь въ твой храмъ святой взирая,
Благоговѣніе мы чувствуемъ въ сердцахъ,
То чѣмъ исполнитъ насъ, твой храмъ на небесахъ?
И здѣсь плѣняетъ насъ нещастныхъ благодѣтель,
И здѣсь, средь всѣхъ суетъ, чтимъ часто добродѣтель;
И здѣсь, узрѣвъ ее, ей подражать хотимъ;
И здѣсь любовію къ странамъ твоимъ горимъ!
Блистательныхъ небесъ лазурное зерцало,
Хотя досель твоей всей славы не являло;
Но сколь спасительна и тѣнь твоихъ лучей!
Когда отчаянье смущаетъ духъ людей,
Когда отъ міра насъ во гробъ влечетъ мученье;
Съ небесъ твой взоръ одинъ... ліетъ успокоенье.
О, звѣздна цѣпь! тебя простеръ міровъ Творецъ,
Да служишь узами для нашихъ ты сердецъ;
Да привлекаешь ихъ къ его блестящу трону!
Сколь сладко твоему покорствовать закону.
Мнѣ кажется, что всѣ планеты межь собой,
О, дружество! хранятъ уставъ священный твой;
Что каждая изъ нихъ другой льетъ озаренье,
Согласья и любви своей во изъявленье.
То принимаютъ блескъ, то отдаютъ его,
Всѣ жителями бывъ предѣла одного;
И свято чтя законъ для нихъ опредѣленный,
Къ доброжелательству взаимну устремленны.
Коль къ благу общему хотимъ мы жаръ питать,
То не должны ль сему союзу подражать?
Мы не въ себѣ, живемъ, въ сношеніи съ другими,
Или мы чувствами мертвимъ себя своими.

Всѣ твари смертнаго къ взаимности влекутъ;
И въ благодушіи примѣръ ему даютъ:
Такъ! благодушіе всѣмъ должностямъ подпора.
О, ты! страшащій всѣхъ суровостію взора,
Ты, за единый взглядъ, противный для тебя,
Убійствомъ, кровію питающій себя:
Повѣрь, равно мірамъ блистающимъ надъ нами,
Мы къ благодушію сотворены судьбами;
Любовь есть жребій нашъ. Но мы небесный даръ,
Не рѣдко превращать хотимъ въ геенской жаръ;
Строптивостью своей мы развращаемъ волю,
И къ наслажденію опредѣленну долю,
Мы въ рабство отдаемъ неистовымъ страстямъ.
Злодѣй! сей часъ ты взоръ взводилъ ко небесамъ,
Любви предвѣчной тамъ ты зрѣлъ изображенье,
И ты, ты ближняго летишь на пораженье!
Почтожъ? чтобъ грязной шагъ имѣть еще земли.
Постой! и голосу съ лазурныхъ странъ внемли!
Постой! быть можетъ, что небесное велѣнье,
Въ злодѣе укротитъ къ злодѣйствію стремленье.
Міры, свѣтила всѣ гласятъ тебѣ въ сей часъ:
"Благотворенія бери примѣры съ насъ!
"Явясь! съ природы мы покровъ снимаемъ ночи,
"И чувства озаря, льемъ блескъ въ душевны очи!"
Такъ! странствовать душа по небесамъ должна.
Тамъ, отъ земныхъ оковъ освободясь она,
Воскликнетъ: "въ первой разъ дохну я здѣсь свободно."
Тамъ воспріявъ опять величіе ей сродно,
Ощутитъ наконецъ свой превосходный санъ!
Міродержателемъ душѣ полетъ сей данъ.
Достигнувъ звѣзднаго въ Эфирѣ вертограда,
Не будетъ чуждою она для горня града;
Среди чудесъ, она явитъ чудесный видъ!
Въ ней огнь безсмертія, огнь божества горитъ.
Она постигнетъ тамъ всесильное искуство,
Которо въ тлѣнной духъ, ліетъ безсмертно чувство;

Которое міры въ устройство привело;
Которое изъ тмы свѣтъ солнца извлекло.
Искуство то въ одномъ предвѣчномъ пребываетъ,
Душа имъ создана; душа его узнаетъ.
Отъ созерцанія превыспренной страны,
Заемлемъ сладость мы небесной тишины,
Смиряющей страстей свирѣпое волненье.
Душа, опять спустясь въ земное заключенье,
Еще все чувствуетъ, что съ родины пришла;
И что близъ своего Творца она была.
Вотъ звѣздъ содѣйствія, ученье сокровенно;
Все таинство его въ самихъ насъ заключенно.
Ихъ видомъ вспламенясь, паримъ къ царю царей,
Оставивъ тлѣнный міръ, вмѣстилище страстей.
Ахъ! будетъ ли цѣнить тотъ жизни скоротечность,
Кто цѣлью чтитъ своей безсмертіе и вѣчность?
Съ какимъ веселіемъ ношуся средь міровъ?
Что шагъ, то Бога зрю! повсюду царь вѣковъ;
И я страшусь, чтобъ съ нимъ не встрѣтиться въ Эфирѣ.
О, вы! сіяющи въ блистательной порфирѣ,
Граждане горнихъ странъ! могули изъявить,
Какимъ веселіемъ вашъ взоръ мой духъ живитъ?
Что взглядъ на васъ, то зрю путь новый къ наслажденью:
Вы отверзаете стези намъ къ просвѣщенью.
Предѣлы времени разрушиться должны;
Ужель мы жертвой быть его сотворены?
Свѣтила, разное свершающи теченье,
И означающи столѣтій прохожденье;
И солнца красота, и въ полунощный часъ
Отъ звѣздъ тьмочисленныхъ несущійся къ намъ гласъ:
Все, все безсмертіе и вѣчность возвѣщаетъ;
Въ движеньи каждомъ намъ природа ихъ являетъ.
Безсмертье! вѣчность! васъ мы зримъ на небесахъ;
Вы нашъ удѣлъ, и онъ, и онъ у насъ въ душахъ.
О, смертные! къ звѣздамъ умомъ своимъ стремитесь,
Отъ нихъ безстрашію и твердости учитесь.

Сколь нужно будетъ вамъ безстрашіе тогда,
Когда разрушиться придетъ всему чреда,
Когда блестящій зракъ свѣтилъ и звѣздъ затмится;
Когда глубокая тма ночи водворится;
И вдругъ изъ нѣдръ ея, ужаснѣйши огни
На міръ разрушенный прострутъ лучи свои;
Когда за тѣнь почтемъ, что прежде удивляло,
Лишь то падетъ, отъ насъ, Творца что сокрывало?
Гдѣ я? ужель досель я пребывалъ во снѣ?
Въ какой безвѣстной мнѣ проснулся я странѣ!
Молніевидной огнь блеститъ средь бурной ночи;
Разгнавъ мечтаній мракъ, онъ озарилъ мнѣ очи,
Я къ небу вопію: "о, горнихъ сонмъ свѣтилъ!
"Которыхъ мѣрой Богъ вѣкамъ опредѣлилъ;
"Вы, лучезарными свершая ходъ путями,
"Простерли власть свою надъ бренной жизни днями:
"Но мигъ ихъ, вашими лучами озаренъ!
"Да буду ихъ цѣнить, отъ васъ я наученъ;
"И міра преходя опасную пучину,
"Да буду мысль въ душѣ всегда имѣть едину,
"Мысль, чтобъ достигнуть мнѣ прелестной той страны;
"Гдѣ послѣ бурь, вкусить спокойство мы должны.
"За вѣкъ страданія тамъ награждусь мгновеньемъ:
"Улыбкою любви и благости воззрѣньемъ!"
Нѣтъ! не къ свѣтиламъ я, взываю лишь къ тебѣ
Творецъ! чьей все въ мірахъ покорено судьбѣ.
Такъ! перста твоего единое движенье,
Вселенныя часовъ явило устроенье!
Съ какою точностью въ нихъ все свершаетъ ходъ;
О быстротѣ временъ ихъ гласъ вѣщать даетъ.
О, Боже! злыхъ судья, а добрыхъ упованье,
Разсудка моего разсѣй, разсѣй мечтанье;
Отъ жизни смерть на шагъ! яви мнѣ до нее
Творецъ! въ путяхъ моихъ, сіяніе твое.
Да научусь читать мой долгъ въ твоихъ твореньяхъ;
Не въ тѣхъ, мой Богъ! не въ тѣхъ невѣрныхъ отраженьяхъ,

Которыя мы зримъ въ земной юдоли сей,
Но въ томъ, что создано десницею твоей.
Яви мнѣ вѣчности и времени картину,
Пусть въ первой зрю я все; въ другомъ, мечту едину.
Пускай тобой къ тебѣ всечасно я влекусь,
Ахъ! скоро ли твоей красою наслаждусь,
Чертогъ божественный, правителя вселенной?
Отъ тѣни бытія, туда переселенной,
Гдѣ истинная жизнь; за краткой жизни мигъ,
Который я влачилъ подъ игомъ скорбей злыхъ.
Тамъ, тамъ утѣшуся существенной отрадой:
Отецъ! твой взоръ за все тамъ будетъ мнѣ наградой!

КОНЕЦЪ ДВЕНАДЦАТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ НОЧИ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Стр.	*Напечатано.*	*Читай.*
9 —	2 —	неодумѣніемъ	недоумѣніемъ
12 —	23 —	повсюда	повсюду
18 —	11 —	послѣдуетъ	послѣдуютъ
20 —	9 —	захотѣлъ,	восхотѣлъ,
42 —	8 —	повсюда	повсюду
85 —	36 —	одушевленъ	животворимъ